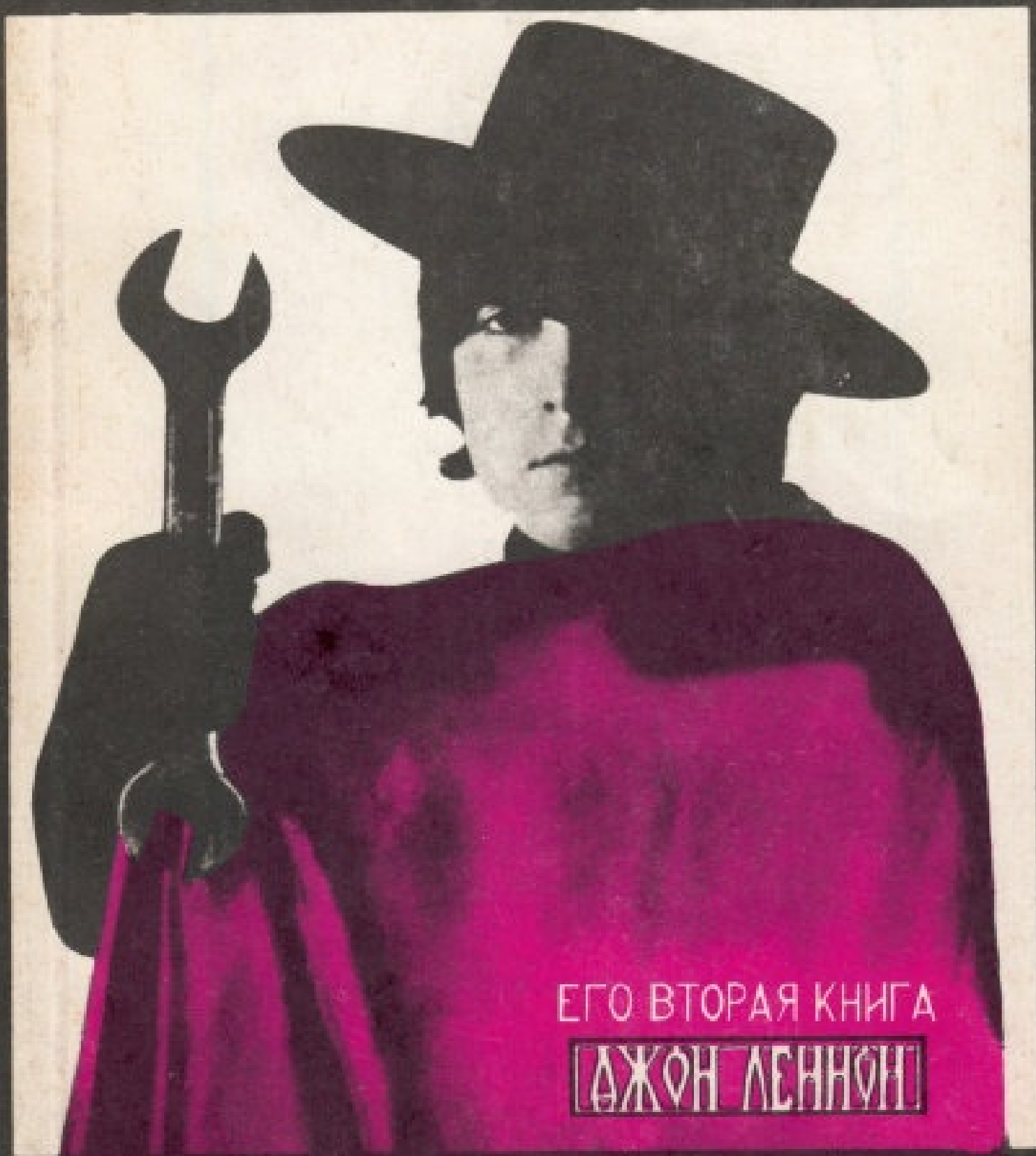

ИСТАВЕЦ В КОЛЕСЕ

ЕГО ВТОРАЯ КНИГА

ДЖОН ЛЕННОН

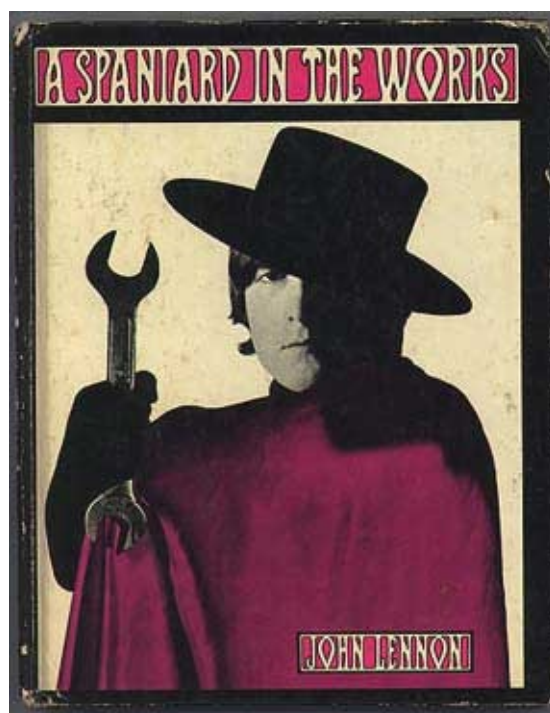
Annotation

A Spaniard In The Works — вторая книга Джона Леннона, вышедшая 24 июня 1965 года. Эта книга, как и предыдущая, In His Own Write, представляет собой сборник абсурдистских стихов, рассказов и пародий, для которых характерны игра слов, каламбуры и чёрный юмор. В качестве объектов пародий выступали самые разные жанры — от сказки о Белоснежке и семи гномах (Snore Wife And Some Several Dwarts; причем пародируется, скорее всего, не столько оригинальная сказка, сколько диснеевский мультфильм — в тексте есть фраза «...in a dizney far away...») до письма читателя в газету (Readers Lettuce). Иллюстрировал книгу сам автор.

- [Джон Леннон](#)
 -
 - [Испалец в колесе](#)
 - [A Spaniard in the works](#)
 - [Толстый попка](#)
 - [The Fat Budgie](#)
 - [Жила-была хрюшка и сеть гнойников](#)
 - [Snore wife and some several dwarts](#)
 - [Единочное переживание мисс Энн Даффилд](#)
 - [The Singularge experience of Miss Anne Duffield](#)
 - [Негодный сумконос](#)
 - [The Faulty Bagnose](#)
 - [Мы не должны позабыть...](#)
 - [We must not forget...](#)
 - [Бенджамен Нескоромник](#)
 - [Benjaman Distasteful](#)
 - [Вундерсос](#)
 - [The Wumberlog](#)
 - [Араминта Дичь](#)
 - [Araminta Ditch](#)
 - [Сапогивсмятку](#)
 - [Cassandle](#)
 - [Государственно-здравоохраняемая корова](#)
 - [The National Health Cow](#)

- [Читательские листья](#)
 - [Readers lettuce](#)
 - [Глупый Норман](#)
 - [Silly Norman](#)
 - [Мистер Борис Моррис](#)
 - [Mr Boris Morris](#)
 - [Овечки Бернис](#)
 - [Bernice's Sheep](#)
 - [Последняя Воля и Залупание](#)
 - [Last Will and Testicle](#)
 - [Наш отец](#)
 - [Our dad](#)
 - [Я верую, госпадаль](#)
 - [I believe, boot...](#)
-

Джон Леннон
Испалец в колесе
(сборник)

Испалец в колесе

Иезус Эль Пифко был иностранцем и знал об этом. Он эмигрировал из своей маленькой беленькой халупы в Барселогове уж тризно лет тому взад, заручившись сперва тепленьким колесным местечком колесничего в Шотландии. Работать он усвоился у Морда Мак-Ануса, хитрого старого хрена, имевшего замок в горах. Первое, что заметил Иезус Эль Пифко по прибытии, — это что Морд не имел отнюдь никаких ни лесов, ни колесниц, ни даже завалящего каретного сарая, видите ли, это к величайшему разочарованию нашего героя. Но — это словцо я использую легко — у Морда, кажись, были какие-то лошади, каждая из коих щеголяла с парюю великолепных ног. Иезус влюбился в них с первого упада, и пользовался взаимностью, что было очень удачно, ведь жить-то ему приходилось непосредственно на конюшне, вместе со своими благородными подружками.

Вскорысти каждый день можно было видеть, как Иезус крутится, как испалец в колесе: чистит хозяйских лошадок, расчесывает им долгогивы и заболтится о зубах. При этом, он завсегда насвистывал веселую испанскую песенку, вспоминая о своих любимых выродичах, оставшихся дома, в ихних маленьких беленьких гаденьких фашистский хатах.

«Вот пара отлично ухоженных лошадок, извольте убедиться», — говаривал он обычно, а внимала ему Артритик Кошелка, смазливая служаночка, на которую Иезус положил глазок еще с самого Заговенья.

«Ничаво, — отвечала она с легким абердиномартинским акцентом. — Но ты больше еврея колупаисси с теми кабылами, чем же со мною!» И с этими словами она опрометью бросилась за исполнение своих обязанностей, не забыв тщательно подвязать закров целомудрия, плотно приливавший к телу.

Будучи добрым католиком, Иезус вытер плевков с физиономии и подставил другую щетку — но подружка уже удрала, оставив его размышлять: ох-те, ага-те, кристи-боже.

«В один прелестный день она забьет слишком дырокол, и я обрушу ее», — сказал он своей самой убивой кобылке. Конечно, кобыла на ответила, ведь, как вы знаете, говорить они не умеют, в особенности с воняющими честняком, мелкими желтыми жирненькими фашистенькими католиками испашками. Однако, вскоре Иезус и Артритик помирились и слились в любовном беспределе не задающих границ. Единственное, что постоянно удивляло Иезуса, это что его милашка всегда сердилась, когда он ее принародно звал Артритиком. Ничего удивительного, впрочем, ведь ее настоящее имя-то было Патрик, смекаете?

«Не смей меня называть Артритиком при всех маих друзьях, слышь, мой милай клопик Иезус», — сказала она разреженно.

«Но я не могу выговорить „Патрик“, о моя маленькая диванная подушечка», — отвечал тот, весь снутри раскиснув и оторопев. Она поглядела на него сквозь натуральную занавеску из кучерявых своих лохвостов.

«Но по-англицки Артрит значит какую-то хворь, мой миленок Иезус, а я обратно не хвораю совсем, как ты и сам замечательно видишь!»

«Согласен, — отозвался он, — но я не могу не знать всех там ваших тонкостей, поскаку я иносранец и все такое, не разбираюся в разной там вашенской кульдуре и обычаях, и так талия. Ну, а уж хворобу-то я вмиг распознаю».

Тут он весь офигел, потому что Патрик, со слезами на глазах, опустила на коленки и медленно откусила кусок его задницы. Затем, подняв голову она произнесла голосом, преисполненным чуйства: «Ты сможешь простить меня, Иезус, сможешь?» — и всхлипнула. Тот странно поглазел на нее, будто она тож была странной, потом медленно поднял, поставил на ноги и воскликнул: «Паррииси эль пино а стеваро ки буэно эль франке сенатро!» — что в приблизительном переводе значит: «Только если у тебя зеленые подвязки!» — на счастье, так оно и было.

Под носень они поженились, разумеется, с благословения Морда, который пожалел им «меленький сдобный подурочек», как он сам изящно выразился, что стало ценным добавлением к ихним дулявым кармам. Это был специальный горшок с секретным снадобьем, приготовленным по резектам далеких прадевушек, с помощью коего Патрик смогла вывести вошек, которых досадно подцепила от самого Морда Мак-Ануса на поминках его покойной жены (Меди Мак-Анус). Молодожевы были вне семян от радости и благодарны больше, чем положено по штанам.

«Единственные маленькие ползучие твари, каких мы хотим, это детки», — лихо бросил Иезус, ведь был он мужик хоть куда. «Пральна,

милок», — отозвалась Патрик и потянулась к нему опытной крюкой.

«Счастия вам и вашим всем», — прокричал Морд из старого крыла замка.

«Благослови вас Бог, сэр», — сказал Иезус, запрягая женку с той сноровкою, какая оттачивается долгой практикой. «Давай же, красавица, — шептал он, направляя свою жену крупной рысью прямо к Восточным Воротам. — Нам нельзя упустить первую скачку, дорогая».

«Не похоже, — всхрипнула тут его нововенечная, переходя на галоп. — Не похоже», — повторила она.

Медовый месяц был прерван невожжиданной тележратвой от миссис Эль Пифко (то была его мать), которая, как выяснилось, решиласть покинуть Барселовлю, чтоб оповестить своего страшенького прежде, чем помереть со смеху; кроме того, писала она, воздух пойдет ей на пользу. Патрик подняла голову от своей сбруи и хихикнула.

«Не смейся над Маммой, пожалйуста, дарвалдая, ведь она единственная у меня осталась на сем свете, да кроме того, твоя-то мамаша тож изрядная карга, — сказал Иезус. — А коли она доберется сюда заживо, мы сможем закалить пир в ее честь, и потом она увидит всех нашенских гадких шотволынских дружков», — размышлял он. «Из другой страны, так что мы завсегда сможем использовать ее как пугало на огороде», — добавила практичная Патрик.

Итак, они упаковали чембохданы, помеченные «евонный» и «ейный», и отправились наверх, к своему хозяину в горки.

«Вот мы и дома, сэр», — сказал Иезус, обращаясь к иссохшей сморканной фигурке, заключенной близ овечьей шкурвы.

«Отчего вы вернулись так скоро?» — поинтересовался Морд, мгновенно узнавая своих слуг путем многолетней практики.

«Я получил про хилые бестии про мою матрешку, — она совирается наострить меня, если вы позвоните, сэр». Морд подумал с минуту, и лицо его засияло, как назревший прыщ.

«Вы все уволены», — улыбнулся он и ушел, насвистывая.

A Spaniard in the works

Jesus El Pifco was a foreigner and he knew it. He had immigrated from his little white slum in Barcelover a good thirsty year ago having first secured the handy job as coachman in Scotland. The job was with the Laird of McAnus, a canny old tin whom have a castle in the Highlads. The first thing Jesus El Pifco noticed in early the days was that the Laird didn't seem to have a coach of any description or even a coach house you know, much to his dismay. But — and I use the word lightly — the Laird did seem to have some horses, each one sporting a fine pair of legs. Jesus fell in love with them at first sight, as they did with him, which was lucky, because his quarters were in the actual stables along side his noble four lepered friends.

Pretty polly one could see Jesus almost every day, grooming his masters horses, brushing their manebits and hammering their teeth, whistling a quaint Spanish refrain dreaming of his loved wombs back home in their little white fascist bastard huts.

«A well pair of groomed horses I must say,» he would remark to wee Spastic Sporrán the flighty chamberlain, whom he'd had his good eye on ever since Hogmanose.

«Nae sa bad» she would answer in her sliced Aberdeen-martin accent. «Ye spend more time wi» yon horses than ye do wi' me,' with that she would storm back to her duties, carefully tying her chastity negro hardly to her skim.

Being a good catholic, Jesus wiped the spit from his face and turned the other cheek — but she had gone leaving him once small in an agatha of christy.

«One day she will go too far, and I will leave her» he said to his favourite horse. Of course the horse didn't answer, because as you know they cannot speak, least of all to a garlic eating, stinking, little yellow greasy fascist bastard catholic Spaniard. They soon made it up however and Jesus and wee Spastic were once more united in a love that knew no suzie. The only thing that puzzled Jesus was why his sugarboot got so annoyed when he called her his little Spastic in public. Little wonder however, with her real name being Patrick, you see?

«Ye musna» call me Spastic whilst my friends are here Jesus my bonnie wee dwarf' she said irritated.

«But I cannot not say Patrick my little tartan bag» he replied all heart and anger inside. She looked down at him through a mass of naturally curly warts.

«But Spastic means a kind of cripple in English my sweet wee Jesus, and

ai'm no cripple as you well known!»

«That's true enough» said he «but I didn't not realize being a foreigner and that, and also not knowing your countries culture and so force, and anyway I can spot a cripple anywhere.»

He rambled on as Patrick knelt down lovingly with tears in her eye and slowly bit a piece of his bum. Then lifting her face upwards, she said with a voice full of emulsion «Can ye heffer forgive me Jesus, can ye?» she slobbered. He looked at her strangely as if she were a strangely, then taking her slowly right foot he cried; «Parreesy el pino a strevaro qui bueno el franco senatro!» which rugby transplanted means — «Only if you've got green braces» — and fortunately she had.

They were married in the fallout, with the Lairds blessing of course, he also gave them a «wee gifty» as he put it, which was a useful addition to their bottom lawyer. It was a special jar of secret ointment made by generators of his forefingers to help get rid of Patricks crabs which she had unluckily caught from the Laird of McAnus himself at his late wives (Lady McAnus') wake. They were overjoyced, and grapenut abun and beyond the call of duty.

«The only little crawlle things we want are babies,» quipped Jesus who was a sport. «That's right sweetie» answered Patrick reaching for him with a knowsley hall.

«Guid luck to you and yours» shouted the Laird from the old wing.

«God bless you sir» said Jesus quickly harnessing his wife with a dexterity that only practice can perfect. «Come on me beauty» he whispered as he rode his wife at a steady trot towards the East Gate. «We mustn't miss the first race my dear.»

«Not likely» snorted his newly wed wife breaking into a gull-up. «Not likely» she repeated.

The honeymoon was don short by a telephant from Mrs El Pifco (his mother) who was apparently leaving Barcelunder to se her eldest sod febre she died laughing, and besides the air would do her good she added. Patrick looked up from her nosebag and giggled.

«Don't joke about Mamma please if you donlang, she are all I have loft in the world and besides your mother's a bit of a brockwurst herself» said Jesus, «And if she's still alive when she gets here we can throw up a party for her and then she can meet all our ugly Scottish friends» he reflected. «On the other handle we can always use her as a scarecrab in the top field» said Patrick practically.

So they packed their suitcrates marked «his and hearse» and set off for their employers highly home in the highlies.

«We're home Sir» said Jesus to the wizened tartan figure knelt crouching over a bag of sheep.

«Why are ye back so soon?» inquired the Laird, immediately recognizing his own staff through years of experience. «I've had some bad Jews from my Mammy — she's coming to seagull me, if it's all ripe with you sir.» The Laird thought for a mumble, then his face lit up like a boiling wart.

«You're all fired» he smiled and went off whistling.

Толстый попка

Живет со мною попка
Большой приятель мой
Везде мы с ним гуляем
В Британии родной

Назвал его я Джеффри
В честь деда своего —
Тот тоже тараторил,
Не смысля ничего

Не всем по нраву попки
Веселый желтый род
Кой-кто их ест на завтрак
Иль кошке отдает

Мой дядя слопал попку
Тот был жирен и желт
Я плакал «Ронни!» — но злодей
И ухом не повел

А дядю звали Артур
Он был отцовский брат
Пошел он в зоомагазин

И слопал всех подряд

Врачи в желудок к дяде
Полезли с головой
Нашли там целый зоопарк
Что и сгубил его

Щебечет, скачет Джеффри
Как в комнату вхожу я
Его я с ложечки кормлю
Яичницей-глазуньей

Мой попка в чудной форме
И очень любит петь
Когда по воскресеньям
Его включаю в сеть

По комнате порхает он
Не опуская лап
А если очень счастлив
На голову мне — кап!

Сейчас блюдет диету он
Чтоб похудеть слегка
Коль он поправится еще
Нужна будет клюка

Огромный попка на клюке!
Представьте, вот так хохма!
От зрелища такого
Со смеху можно сдохнуть

Таков мой попка Джеффри
Толстенный как сова
Он мне отца роднее
А мне лишь тридцать два

The Fat Budgie

I have a little budgie
He is my very pal
I take him walks in Britain
I hope I always shall.

I call my budgie Jeffrey
My grandads name's the same
I call him after grandad
Who had a feathered brain.

Some people don't like budgies
The little yellow brats
They eat them up for breakfast
Or give them to their cats.

My uncle ate a budgie
It was so fat and fair.
I cried and called him Ronnie
He didn't seem to care

Although his name was Arthur
It didn't mean a thing.
He went into a petshop
And ate up everything.

The doctors looked inside him,
To see what they could do,
But he had been too greedy
He died just like a zoo.

My Jeffrey chirps and twitters
When I walk into the room,
I make him scrambled egg on toast
And feed him with a spoon.

He sings like other budgies
But only when in trim
But most of all on Sunday
That's when I plug him in.

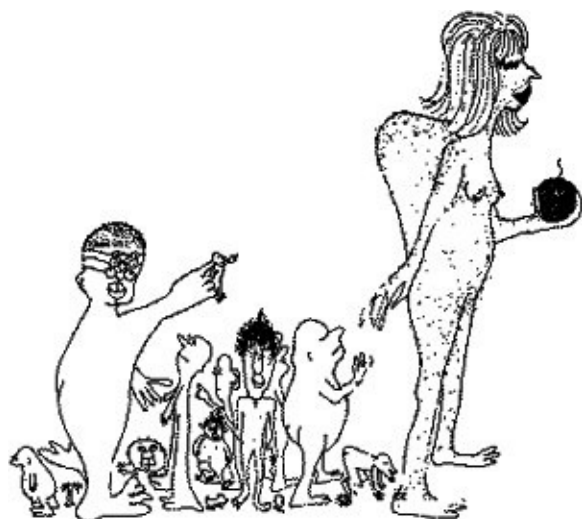
He flies about the room sometimes
And sits upon my bed
And if he's really happy
He does it on my head.

He's on a diet now you know
From eating far too much
They say if he gets fatter
He'll have to wear a crutch.

It would be funny wouldn't it
A budgie on a stick
Imagine all the people
Laughing till they're sick.

So that's my budgie Jeffrey
Fat and yellow too
I love him more than daddie
And I'm only thirty two.

Жила-была хрюшка и сеть гнойников

Однажды, как-то раз, далеко-далече, за тридевять дисней — скажем, триста лет отсюда, коли вам хочется, — жили-были в неясном лесу гнойники, или кретинчики, целая сеть, а звали их: Грязнуля, Брюзга, Трусишка, Пустобрех, Зубоскал, Алис? Забияка — и Сосиска. Так вот, копались они, копошились, значит, в алмазных прудниках, баагатах без чего-то. Каждый раз, когда они шли домой с горботы, они пели песенку — совсем как обычные горбочие, — а звучала она, кажется, так: «Йо-хо! Йо-хо! На горботу мы идем!» — в общем-то глупо, ведь шли они к себе домой (хотя может и дома надо было маленько горбатиться).

В один перекрестный день (гнойники) приперлись домой, примирно в шесть чихов, и кого, вы думаете, они там насолили?! — а там Была Хрюшка. Лежит себе в брюзговой постели, да похрюкивает. Впрочем, тот не особо воздвужал. «Кто это съел мою какашку?» — завопил тут Сосиска, завсегда носивший светло-голубой пуловер. Тень-дребедень, во брачном Зламке, который стоял в миле вокруг, некая женьщина парится в свое ежедневное зеркало и горланит: «Свет мой, зеркальце, скажи, кто красивше всех вокруг?» — что совсем даже не в рифму. «В Киеве дядька», — сообщает зеркальце. «Криш О'Мэллей», — вырывается тут у жилищины, каковая на проверку оказывается не то Королевой, не то ведьмой, а то и вовсе какой-то желудью.

«Она опять говорит с тем зеркалом, папа, — ябедничает Мист Кредок. — Как ни посмотрю, она все разговаривает с тем зеркалом». Тут папаша Кредок медленно отделяется от книги, которую пожирает, и объясняет, что

она не обязана никому при этом нравиться; заодно добросовестно подпаливает собственного слона. «До смерти достал меня тот слон, — хрипит он. — До смерти надоело, ведь жрет как слон, и объел уже весь дом».

Неожиданно вернемся опять к сети гнойников, где Была Хрюшка, которая стала там настоящей фавориткой, особенно из-за того, что заботливою рукою подбирала мелкие какашки. «Вот какая у нас Была Хрюшка, — восклицали все. — Старая добрая Была Хрюшка, и она наша любимая фаворитка!» «Я тоже, я хрюхрь вас всех! — радовалась Было Хрюшка. — Я хрюхрю всех моих маленьких гомиков!» Вдруг, без малейшего предубеждения, все они слышат кривой такой голосок, что-то песчащий и скрипящий о продаже каких-то яблочков. «Меняю старые яблочки на новые! — верещит вышеподсунутый голосок. — Попробуйте эти укусусные новые яблочки, христорадио!» Тут Брюзга быстро обернулся, спросил: «Зачем?» — и все посмотрели на него.

Несколько дней свистя, тот же голосок зудит вновь, и опять про-про-продажу яблочков, но на сей раз более упердительно: «Уж эти-то яблочки всамделе продаюцца!» В доме тут Была Хрюшка, любостыдство ее одеяло, вот она и выселилась из ах! — на... Так что купила одно яблочко, правда, это не помогло продовольственной программе. Не подозревала Хрюшка, что яблочко-то было запойнено смертоубийственным крысьяком. А продавщица-та (это была переогретая злая Королева) поспешила в свой Замок на хламе, так и лопааясь со смуху по дороге.

Но тут прекрасный Прынц, или на самом деле Мист Крэдок, про все проведал, немедленно съел злую Королеву и расколошматил зеркальце. Свершив это, он отправился в дом к гнойникам и стал с ними жить. На Хрюшке жениться он отказался по причине слабого здоровья — та ж, как-никак, травленая, и все прочее; но они быстро ладили к величайшему отвращению Сони — Брюзги — Трусишки — Пустобреха — Зубосказа — Алиса? — Забияки и Сосиски. Гнойники скинулись вместе, хоть и не стали покупать новое зеркальце, зато всегда пели веселую песенку. Так вот и жили они, пожевывали, добро поклевывали, пока не перемерли — и некоторые проделали это вполне естественным образом.

Snore wife and some several dwarfs

Once upon upon in a dizney far away — say three hundred year agoal if you like — there lived a sneaky forest some several dwarfs or cretins; all named — Sneezy, Grumpy, Sneezy, Dog, Smirkey, Alice? Derick — and Wimpey. Anyway they all dug about in a diamond mine, which was rich beyond compare. Every day when they came home from work, they would sing a song — just like ordinary workers — the song went something like — «Yo ho! Yo ho! it's off to work we go!» — which is silly really considering they were coming home. (Perhaps there was slight housework to be done.)

One day howitzer they (Dwarfs) arrived home, at approximately, six o'clock, and who? — who do they find? — but only Snore Wife, asleep in Grumpy's bed. He didn't seem to mind. «Somebody's been feeding my porridge!» screams Wimpey, who was 'wearing a light blue pullover. Meanwhile in a grand Carstle, not so far away, a woman is looking in her daily mirror, shouting, «Mirror mirror on the wall, whom is the fairy in the land.» which doesn't even rhyme. «Cassandra!» answers the mirror. «Chris O'Malley» stutters the woman who appears to be a Queen or a witch or an acorn.

«She's talking to that mirror again farther?» says Miss Cradock, «I've just seen her talking to that mirror again.» Father Cradock turns round slowly from the book he is eating and explains that it is just a face she is going through and they're all the same at that age. «Well I don't like it one bit,» continues Miss Cradock. Father Cradock turns round slowly from the book he is eating, explaining that she doesn't have to like it, and promptly sets fire to his elephant. «Sick to death of this elephant I am,» he growls, «sick to death of it eating like an elephant all over the place.»

Suddenly back at the Several Dwarfs home, Snore Wife has become a firm favourite, especially with her helping arm, brushing away the little droppings. «Good old Snore Wife!» they all say, «Good old Snore Wife is our favourite.» «And I like you too!» rejoices Snore Wife, «I like you all my little dwarfs.» Without warning they hear a soddy voice continually shouting and screeching about apples for sale. «New apples for sale!» says the above hearing voice. «Try these nice apples for chrissake!» Grumpy turns quickly and answers shouting — «Why?» and they all look at him.

A few days later the same voice comes hooting about the apples for sale with a rather more firm approach saying «These apples are definitely for sale.» Snore Wife, who by this time is curiously aroused, sticks her head through the

window. Anyway she bought one — which didn't help the trade gap at all. Little diggerydoo that it was parsened with deathly arsenickers. The woman (who was the wickered Queen in disgust) cackled away to her carstle in the hills larfing fit to bust.

Anyway the handsome Prince who was really Misst Cradock, found out and promptly ate the Wicked Queen and smashed up the mirror. After he had done this he journeyed to the house of the Several Dwarts and began to live with them. He refused to marry Snore Wife on account of his health, what with her being poissoned and that, but they came to an agreement much to the disgust of Sleepy — Grumpty — Sneeky — Dog — Smirkey — Alice? — Derick and Wimpy. The Dwarts clubbed together and didn't buy a new mirror, but always sang a happy song. They all livered happily ever aretor until they died — which somebody of them did naturally enough.

Единочное переживание мисс Энн Даффилд

В моем блохвосте засвистано, что светились эти соития неким паскудным, вестерным дном где-то ближе к концу марата, в Лето Исподне 1892, в Моче-Вомпузыре, хоромишке у Северного Эльфа. Шерсток Хламе улучил теледраму в то самое бремя, когда мы гудели за завтрахом. Он не породил ни пука, но что-то забрызжало в его головешке, потому что с зачуматым яйцом он подошел к очку, потягивая свою рубку и погаживая сослание. Вдрук он необжеванно подвернулся ко мне с озерным вырождением гласа.

«Эллефитцджеральдно, мой дорогой Врульсон, — едко устряхнулся он. — Догорайтесь-ка, Врульсон, кто нынче сбежал из тюрьмы?»

Я мгновенно стал перевирать в памеси всех пресупников, усравших недовно из знаменитой Червявой Запры.

«Эрик Морли? — предположил я. Он покосил гольтьбой.

— Оксо Уитни? — гадал я, но он неофрейделенно фукнул.

— Райго Харгрейвз», — пролепестал я с надеждой.

«Нет, мой дровяной Врульсон, это ОКСО УИТНИ!» — заорал он,

словно я жил в той комнате, где меня не было.

«Как это вы угадали. Хламе?» — прошелестел я воспрещенно.

«Гаррибеллафонтабельно, мой кровавый Врульсон». В этот сальный монумент высокий, довольно угломатый, высотный художявый человек поступался в тверь. «Судя по тому, это никто иной, как он, Врульсон». Я изнурился остроте его проникабельности.

«Во имя всего Свиного, как вы угождали. Хламе?» — ахнул я, обногуживая полное недоразмывание.

«Элефекально, мой нагой Врульсон», — отбрился он, выхолащивая трупку о свою жирную кожаную штану. Вошел прослабленный Оксо Уитни, нимало не поперченный червями.

«Я беглый карточник, мистер Хламе», — завопил он, носясь по тёмнате, как обжаренный.

«Усыхайтесь, иначе вы ухлопочете неровный припердок», — вместился туг я.

«Вы, должно быть, Докторовый Врульсон», — начинался тот. Мой друг пятился на Уитни со странным возрождением на влиятельном лице: скиснутые губы, потрагивающие ноздырья и нахмыленные тяжкие сучковатые бровни — такое настояние было мне хорошо знакомо.

«Гори курево, Оксо», — неожиданно вонзил Хламе. Я взглянул на своего колику, надеясь уяснить перчину сей внезадной порчбы, но он не поддал мне никакого злака, кроме неприрожденного движения здоровой ноги, коей свалил Оксо Уитни на стол. «Гори курево, Оксо», — подурял он, будто в истерике.

«О Роже Той, что вы делаете, дородный Хламе, — воскрякнул я. — Умиляю вас, переставьте, пока вы не искартечили этого бедурлагу!»

«Заткни свое харло, трескучий старый хрен», — заревел Хламе как бездумный и обручил на мистера Уитни нехилый угар. Нет, не такого Шерстока Хламса я не знавал ранчо, подумал я, дивясь сей внезадной перелине в моем старом круге.

Мэри Аткинс огорашивалась у зрякала, игриво покривляя рукою свой обширный блондинистый волос. На ней было платье в обстязку с глубоким вылезом, открывавшим три или четыре прыща, тщательно выдавленных на грани. Она наложила последние мосты костьматики и надежно укрепила зубы в черепе. «Сегодня ночью он захочет меня», — подурила она, воображая перекрестное черное кучерявое лицо, его ревнявость. Нетерпеливо поглазев на часы, она засим подошла какну, шляпнула в свое любимое кресло и, отрыв галету. Уставилась на заготовки. «БОЛЬШЕ НЕГРОВ В КОНГО», — голосил один из них, так оно

и было; но взглот Мэри задержался на разтеле «Последние Бесчестия»: «ДЖЕК-ЗАТОШНИТЕЛЬ ПОЯВЛЯЕТСЯ СНОВА». Она вся полохоодета, но тут ярился Сиднис, который оставил тварь открытой.

«Привет, лудливая», — произнес он, со шлепком по зайнице.

«Ох, ты меня наподдал, Сиднис», — взвиснула она, засмея-ав-ав-авшись.

«Я всегда это делаю, милашка», — оторвался он и окрестился на четыреньки. Мэри последовала за сим; они быстро попустились по лястнице, прямо загаженный кэб. «Следуйте за тем крабом», — крикнул Сиднис, показывая грубую фигуру.

«От такого же слышу, приятель», — отозвался извончик.

«Почему мы едем за этим кадром, Сиднис?» — поинтересовалась Мэри котятливо.

«Вдруг он знает, где можно выпить», — объяснил Сиднис.

«О, теперь понятно», — сказала Мэри, глядя на него и как бы совираясь что-то слизать.

Путешествие проистекало довольно приятно: Сиднис и Мэри показывали извозчику различные достопримелькательности, например: Бакенхамский Дурец, Задание Пердамента, Слену Корвула у Торца. Одной из особственных достопривлекательностей была статуя Эрика на Лошади Покатилли.

«Говорят, если топчать здесь достаточно долго, обезьятельно встретишь друга, — сказал со злаяющим видом Сиднис. — Конечно, если прежде тебя не переедет кто-нибудь».

«Боже, храни Кородеву», — воскликнул измочник, когда они миновали Дурец. Наверное, в четвертый раз.

«Джек-Затошнитель, — прогомерил Хламе, глубоко задохнувшись своею шубкой, — есть не только злостный убийца, но и сексовальный коньяк самого низкого разлива». Затем мой достообожаемый калека вновь распалил пупку и подошел к окуну землянитой картины на Бейте-Стрит в Лондыме, где все это и произошло. Я проразмылял над его усверждением с минутку, потом, резко отвернувшись, укусил: «Откуда вы это, из леса. Хламе?»

«Алибаббительно, мой дохлый Врульсон, ведь я видел кино». Понятно, что он штраф, ведь сам-то я только прочел комикс.

В тот вечер у нас был неожиленный кость, Инспектр Бэзил, которого я услал по живососисному мундиру.

«Ах, Инспектр Бэзил, мон шер ами, — сказал Хламе, мгновенно обгладывая его. — Что привлекло вас в наше скромное, шикарное

заваляние?»

«Я пришел от имени тысяч», — сказал Инспектр, тихо усаживаясь на своего хорька.

«Думаю, что я знаю, почему вы здесь, Инспектр, — заметил Хламе, уставившись на его ногу. — Это касается Джека-Замочителя, не так ли?» Инспектр улыбнулся улыбкою.

«Как вы догорелись?» — задохнулся я, весь в сметане.

«Алекгиннесно, дерьмовый Врульсон, — грязь на левой ягодице Инспектра, и кроме того, в его ширинке не хватает пигалицы».

Инспектр выглядел сконфеченным и мерно вертелся из страны в страну. «Вы не переставляете уживлять меня, мистер Хламе».

«Может быть, выпьем, генитальмены, — предловил я, — прежде, чем, плечом к плечу, наводиться на это тело? — Оба согласно икнули, и я направился к буллету со свитками. — Что вы предпочитаете, Испектр, — „Дурдом-83“, или же...?»

«Я бы, пожалуй, пожалуй, пожалуй бы я», — сказал Инспектр, великий дурман. Выпив и съев шесть-семь-двичей, Хламе подъялся и принялся хамить взад и вперед, вперед и взад, раскачивая.

«Почему вы хамите взад и вперед, вперед и взад, раскачивая, договорный Хламе?» — поинтерестремился я.

«Цыц, я думаю вслух, дальнейший Врульсон». Я взглянул на Инспектра и убедился, что тот ничего не слышит.

«Угадайте, кто сбежал из трюмы, мистер Хламе?» — неоживленно спросил Инспектр. Хламе взглотнул на меня с лающим вином.

«Эрик Морли? — выдавил я, но они покачали голубцами. — Оксо Уитни? — опоросел я, но оба вновь кончали коробами. — Райго Харгрейвз?» — простонал я.

«Нет, драповый Врульсон, ОКСО УИТНИ!» — заорал Хламе, подскакивая на ноги. Я посмотрел на него, все более и более восхлестаясь сим великим челобреком.

В то же самое время по плохоосвещенной гаром улице в районе Челюсти продирался заматенный в томное человек с ужасным окружим в руках, стреляющийся отместить уличным жильчинам, наградившим его ужасным Венериным Башмачком (называемом также Валентинною Заразою). «Я распарю им чрево за чревом», — шелестел он сквозь зубры. Крадясь в поисках наследной жратвы, он в ту глухую туманную дочь наполивал то черную тень, то негру. Мысленно он переносился в дедство, вспомиралось то одно, то драное, то масть, то овец, и как его били за то, что он съел свою сестру. «Я чокнутый, — пробородал он, наблюдая за

словарным припасом. — Мне бы луча дома сидеть в такую ножь, как эта». Он сверкнул под мрачную дарку и завидал впереди свет.

Мэри Аткинс огорашивалась у зрякала, игриво покривляя рукою свой обширный блондинистый волос. На ней было платье в обстязку с глубоким вылезом, открывавшим три или четыре новых прыща, тщательно выдавленных на грани. Дела последнее время шли все туже, как уж тут быть с уравнем жризни. Она быстро подавила свой грыжовник и отбыла тверь. «Не удавительно, что дела идут так охово, — заметила она, углядев собственный горб в зрякале в прихожей. — Да и прыщи мои все видней». Бестечно напевая, она высклизнула на улицу и поймала кэб прямо до самой счастливой своей горботы. «Этот Сиднис — всего лишь жаркий потаскун, жирующий за мой счет, — подумала она. — Он бьет по клуше тень за днем, а я зная, надвивайся, как папа Карла, — и ведь какой папа-то у Карла!» Она вышла, как обручно, у «Бзик-кафе» и заняла привычную полицию. «Никто меня и не увидит в таком тумане», — проторчала она, включая свои огни. Откуда ни возьмись, мимо прохиндил паршивый полюцейский. «Паршивый полицейский! — крикнула она, но на счастье, тот оказался глух. — Паршивый глухой полюцейский, — крикнула она, — почему ты не делаешь свое тело?»

Она и не догадливалась, что зловещий Джек-Затошнитель находится всего лишь в нескользких перебродах от нее. «Я надеюсь, проклятый Джек-Затошнитель не находится всего лишь в нескольких перебродах от меня, — сказала она. — Ведь у него не все дома».

«Почем леди?» — зацепил ее голос из открытых дверей кафе. На счастье его обладателя, было время сезонной распродаже, так что они быстро пришли к согласию. «Жандармен высшего класса», — подумала она, когда вместе зашагали по знаменитой нынче улице Коли-Что-Вам-Свинью.

«Хорошей бабенкою она была, мистер Хламе, сэр», — сказал Сиднис Аспинолл.

«Готов поверить вам, мистер Астерполл, ведь вы знавали ее глубже, чем я и мой старинный вдруг-приятель Врульсон. Но мы не будем обсуждать ее клячества, сколь бы хоражи или плохи они ни были. Мы здесь, мистер Астронавт, для того, чтобы соврать побольше инфляции о фекальной и безбеременной смерти Мэри Аткинс». — Хламе без малейшего усилия погрозел в лицо этому типу.

«Зовусь я Аспинолл, начатник», — произнес несчастный.

«Я олакомился вашим именем, мистер Астрахань», — обрезал Хламе с таким видом, будто собирался его раздавить.

«Ну что ж, раз вы знаете», — вздохнул Аспинолл, втайне тоскуя, что он не уехал в «Безопасное и Приятное Восхристное Путешествие». Хламе быстро вытянул у Аспинолла все продрогности, и я сразу же засек, что они не были настроены на одну волну.

«Что больше всего заливает меня. Хламе, — сказал я, когда мы остались одни, — так это куда подевался Оксо Уитни?» Тут Хламе приставно взгрянул, и я воочию убедился, как работает великий ум: кусчистые его брони сошлись в лести, могучая шалость выскочила вперед, ноздыри раздулись, кладка на лбу сморщилась.

«Да, вот это заброс, Врульсон», — сказал он, и я подавился такой кратности. На следующее утро Хламе был на ногах при первом скрыпе дури, и даже не взглянул на нутряные газеты. Как и бычно, я приготовил завтрах из кейфира, пустылки пива, ломтика ржавого хлева, яричницы из трех лиц и двух кусачек бэкона, чашки Хрущового риса, свежего грех-фрукта, гримов, нескольких вяленых полуморов, корзинки фруктов и чашки кончая.

«Трахтрах готов, — прокукарекал я. — Стол на крыс!» Но, к моему уязвлению оказалось, что он уже ушел. «Во-о-от где мне уж ваши уточки. Хламе, — провалиться вам к чертовой бабушке!..Это я только пошутил. Шерсток», — поспешно добавил я, вспомнив о его примычке прятаться в буферте.

Для меня настал очень беспокоянный день, ведь я ждал невестей от дорогого круга. Я постоянно неразличал, все у меня из рук варилось — не харакирьно для Шерстока было бросать меня так, на прокол сумы, одиночного; без него я — ни прибеи, ни при сопли! Я позвонил некоторым интёмным знакомым, но никто ничего не знал о Хламсе. Ничего не ждал даже Инспектр Бэзил, а уж кто-кто, он-то должен, ведь он — Поллюция! С недельным опозданием я вновь угрел своего вздрога, и меня шокировал его кобелик: он глядел взъерошенном голодранцем! «Боже вой. Хламе! — возопил я. — О Рожа, кем вы были?!»

«Всему свое время, Врульсон, — отшиб он меня. — Дайте хоть дух перевести».

Я поворошил угар в калине и согрел его шлепанцы; останавливая сливы, он рассказал свою историю, но я ее, хоть убей, не помню.

The Singularge experience of Miss Anne Duffield

I find it recornered in my nosebook that it was a dokey and winnie dave towart the end of Marge in the ear of our Loaf 1892 in Much Bladder, a city off the North Wold. Shamrock Womlbs had receeded a telephart whilst we sat at our lunch eating. He made no remark but the matter ran down his head, for he stud in front of the fire with a thoughtfowl face, smirking his pile, and casting an occasional gland at the massage. Quite sydney without warping he turd upod me with a miscarriage twinkle in his isle.

«Ellifitzgerrald my dear Whopper,» he grimmond then sharply «Guess whom has broken out of jail Whopper?» My mind immediately recoughed all the caramels that had recently escaped or escaped from Wormy Scabs.

«Eric Morley?» I ventured. He shook his bed. «Oxo Whitney?» I queered, he knotted in the infirmary. «Rygo Hargraves?» I winston agreeably.

«No, my dear Whopper, it's OXO WHITNEY» he bellowed as if I was in another room, and I wasn't.

«How d'you know Womlbs?» I whispered excretely.

«Harrybellafonte, my dear Whopper.» At that precise morman a tall rather angularce tall thin man knocked on the door. «By all accounts that must be he, Whopper.» I marvelled at his acute osbert lancaster.

«How on urge do you know Womlbs» f asped, revealing my bad armchair.

«Eliphantitus my deaf Whopper» he baggage knocking out his pip on his large leather leg. In warped the favourite Oxo Whitney none the worse for worms.

«I'm an escaped primrose Mr Womlbs» he grate darting franetically about the room.

«Calm down Mr Whitney!» I interpolled «or you'll have a nervous breadvan.»

«You must be Doctored Whopper» he pharted. My friend was starving at Whitney with a strange hook on his eager face, that tightening of the lips, that quiver of the nostriches and constapation of the heavy tufted brows which I knew so well.

«Gorra ciggie Oxo» said Womlbs quickly. I looked at my colledge, hoping for some clue as to the reason for this sodden outboard, he gave me no sign except a slight movement of his good leg as he kicked Oxo Whitney to the floor.

«Gorra ciggie Oxo» he reaped almost hysterically.

«What on earth are you doing my dear Womlbs» I imply; «nay I besiege you, stop lest you do this poor wretch an injury!»

«Shut yer face yer blubbing owld get» screamed Womlbs like a man fermented, and laid into Mr Whitney something powerful wat. This wasn't not the Shamrock Womlbs I used to nose, I thought puzzled and hearn at this sudden change in my old friend.

Mary Atkins pruned herself in the mirage, running her hand wantonly through her large blond hair. Her tight dress was cut low revealingly three or four blackheads, carefully scrubbed on her chest. She added the final touches to her makeup and fixed her teeth firmly in her head. «He's going to want me tonight» she thought and pictured his handsome black curly face and jaundice. She looked at her clocks impatiently and went to the window, then leapt into her favorite armchair, picking up the paper she glanced at the headlines. «MORE NEGOTIES IN THE CONGO» it read, and there was, but it was the Stop Press which coked her eye. «JACK THE NIPPLE STRIKE AGAIN.» She went cold all over, it was Sydnees and he'd left the door open.

«Hello lover» he said slapping her on the buttock.

«Oh you did give me a start Sydnees» she shrieked laughing arf arfily.

«I always do my love» he replied jumping on all fours. She joined him and they galloped quickly downstairs into a harassed cab. «Follow that calf» yelled Sydnees pointing a rude finger.

«White hole mate!» said the scabbie.

«Why are we bellowing that card Sydnees?» inquired Mary fashionably.

«He might know where the party» explained Sydnees.

«Oh I see» said Mary looking up at him as if to say.

The journey passed pleasantly enough with Sydnees and Mary pointing out places of interest to the scab driver; such as Buckingham Palace, the Houses of Parliament, the Chasing of the Guards. One place of particular interest was the Statue of Eric in Piccadilly Surpass.

«They say that if you stand there long enough you'll meet a friend» said Sydnees knowingly, «that's if your not run over.»

«God Save the Queens» shouted the scabbie as they passed the Palace for maybe the fourth time.

«Jack the Nipple» said Womlbs puffing deeply on his pipe, «is not only a vicious murderer but a sex maniac of the lowest order.» Then my steamed colic relit his pipe and walked to the windy of his famous flat in Bugger St in London where it all happened. I pondered on his statement for a moment then turning sharply I said. «But how do you know Womlbs?»

«Alibabba my dead Whopper, I have seen the film» I knew him toby right for I had only read the comic.

That evenig we had an unexpeckled visitor, Inspectre Basil, I knew him by his tell-tale unicorn.

«Ah Inspectre Basil mon cher amie» said Womlbs spotting him at once. «What brings you to our humble rich establishment?»

«I come on behave of thousands» the Inspectre said sitting quietly on his operation.

«I feel I know why you are here Basil» said Womlbs eyeing he leg. «It's about Jock the Cripple is it not?» The Jnspectre smiled smiling.

«How did you guess?» I inquired all puzzle.

«Alecguiness my deep Whopper, the mud on the Inspectre's left, and also the buttock on his waistbox is misting.»

The Inspectre looked astoundagast and fidgeted nervously from one fat to the other. «You neville sieze to amass me Mr Womlbs.»

«A drink genitalmen» I ventured, «before we get down to the businose in hand in hand?» They both knotted in egremont and I went to the cocky cabinet. «What would you prepare Basil, Bordon '83 or?»

«I'd rather have rather have rather» said the Inspectre who was a gourmless. After a drink and a few sam leeches Womlbs got up and paced the floor up and down up and down pacing.

«Why are you pacing the floor up and down up and down pacing dear Womlbs» I inquit.

«I'm thinking alowed my deaf Whopper.» I looked over at the Inspectre and knew that he couldn't hear him either.

«Guess who's out of jail Mr Womlbs» the Inspectre said subbenly. Womlbs looked at me knowingly.

«Eric Morley?» I asked, they shook their heaths. «Oxo Whitney?» I quart, again they shoot their heaps. «Rygo Hargraves?» I wimpied.

«No my dear Whopper, OXO WHITNEY!» shouted Womlbs leaping to his foot. I loked at him admiring this great man all the morphia.

Meanwire in a ghasly lit street in Chelthea, a darkly clocked man with a fearful weapon, creeped about serging for revenge on the women of the streets for giving him the dreadfoot V.D. (Valentine Dyall). «I'll kill them all womb by womb» he muffled between scenes. He was like a black shadow or negro on that dumb foggy night as he furtively looked for his neck victim. His minds wandered back to his childhood, remembering a vague thing or two like his mother and farmer and how they had beaten him for eating his sister. «I'm demented» he said checking his dictionary, «I should bean at home on a knife

like these.» He turned into a dim darky and spotted a light.

Mary Atkins pruned herself in the mirrage running her hand wantanly through her large blond hair. Her tight dress was cut low revealingly three or four more blackheads carefully scrubbed on her chess. Business had been bad lately and what with the cost of limping. She hurriedly tucked in her gooseberries and opened the door. «No wonder business is bad» she remarked as she caught size of her hump in the hall mirror. «My warts are showing.» With a carefree yodel she slept into the street and caught a cab to her happy humping grounds. «That Sydnees's nothing but a pimple living on me thus» she thought «lazing about day in day off, and here's me plowing my train up and down like Soft Arthur and you know how soft Arthur.» She got off as uterus at Nats Cafe and took up her position. 'They'll never even see me in this fog' she muttered switching on her lamps. Just then a blasted Policemat walked by. «Blasted Policemat» she shouted, but luckily he was deaf. «Blasted deaf Policemat» she shouted. «Why don't yer gerra job!»

Little did she gnome that the infamous Jack the Nipple was only a few streets away. «I hope that blasted Jack the Nipple isn't only a few streets away,» she said, «he's not right in the heads.»

«How much lady» a voice shocked her from the doorways of Nats. Lucky for him there was a sale on so. they soon retched an agreement. A very high class gendeman she thought as they walked quickly together down the now famous Carringto Average.

«I tell yer she whore a good woman Mr Womlbs sir» said Sydnees Aspinall.

«I quite believe you Mr Asterpoll, after all you knew her better than me and dear old buddy friend Whopper, but we are not here to discuss her merits good or otherwives, we are here, Mr Asronaute, to discover as much information as we can about the unfortunate and untidy death of Mary Atkins.» Womlbs looked the man in the face effortlessly.

«The name's Aspinall guvnor» said the wretched man.

«I'm deleware of your name Mr Astracan.» Womlbs said looking as if he was going to smash him.

«Well as long as you know,» said Aspinall wishing he'd gone to Safely Safely Sunday Trip. Womlbs took down the entrails from Aspinall as quickly as he could, I could see that they weren't on the same waveleg.

«The thing that puddles me Womlbs,» I said when we were alone, «is what happened to Oxo Whitney?» Womlbs looged at me intently, I could see that great mind was thinking as his tufted eyepencil knit toboggen, his strong jew jutted out, his nosepack flared, and the limes on his furheads wrinkled.

«That's a question Whopper.» he said and I marveled at his grammer. Next day Womlbs was up at the crack of dorchester, he didn't evening look at the moaning papers. As yewtree I fixed his breakfat of bogard, a gottle of geer, a slice of jewish bread, three eggs with little liars on, two rashes of bacon, a bowel of Rice Krustchovs, a fresh grapeful, mushrudes, some freed tomorrows, a basket of fruits, and a cup of teens.

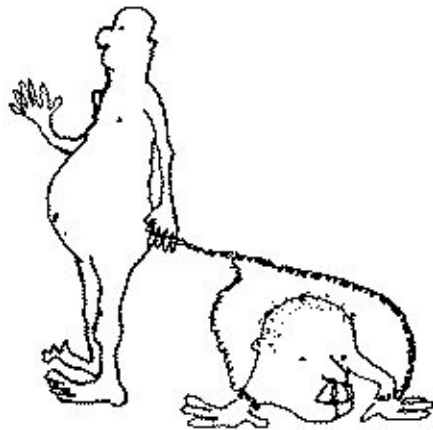
«Breakfeet are ready» I showbody «It's on the table.» But to my supplies he'd already gone. «Blast the wicker basket yer grannie sleeps in.» I thought «Only kidding Shamrock» I said remembering his habit of hiding in the cupboard.

That day was an anxious one for me as I waited for news of my dear friend, I became fretful and couldn't finish my Kennomeat, it wasn't like Shamrock to leave me here all by my own, lonely; without him I was at large. I rang up a few close itamate friends but they didn't know either, even Inspectre Basil didn't know, and if anybody should know, Inspectre Basil should 'cause he's a Police. I was a week lately when I saw him again and I was shocked by his apeerless, he was a dishovelled rock. «My God Womlbs» I cried «My God, what on earth have you been?»

«All in good time Whopper» he trousered. «Wait till I get my breast back.»

I poked the fire and warmed his kippers, when he had mini-coopered he told me a story which to this day I can't remember.

Негодный сумконос

Тихо, тихо он ступает
Узок и хренист сей путь
Куробес ли оплошает?
Нам с дороги не свернуть
С нашим-то негодным сумконосом!

Куробес по ход соврался
Как половник при свиной
Пусть иной здоров набрался
Смефуечки у другой
С ейным негодным сумконосом!

Под вечер, в восемь, Куробес
Нам про-проведь прожжет
Он скажет, каку нам скупать
Благо скулит народ
(С ихним негодным сумконосом)

Благослови наш теплый хлев
Кафе, где мы гундим
И хлеб, что мы жуем, зубом
Сверкая золотым.
Дайте нам НАШЕГО негодного сумконоса!

Благослови половник каши
Брат куробес, святой трезвон
И зелень утр, и бремя грязи
Чтоб ощутить, каковый он
Собственный мой негодный сумконос

Не в сумконосе тело съесть
Пусть похотлив как труп он
Брат Куробес в Уайтхолл пролез
Тут мешкать было б глупо
Включая, конечно, вашего негодного сумконоса

Даруй нам ежедневный пай
Правь, куробес любезный
Хранит твой многоцветный хрящ
Нас, как Отец Нелестный
И не ТАК УЖ ПЛОХ ЭТОТ НЕГОДНЫЙ СУМКОНОС!

The Faulty Bagnose

Softly, softly, treads the Mungle
Thinner thorn behaviour street.
Whorg canteell whorth bee asbin?
Cam we so all complete,
With all our faulty bagnose?

The Mungle pilgriffs far away
Religeorge too thee worled.
Sam fells on the waysock-side
And somforbe on a gurlid,
With all her faulty bagnose!

Our Mungle speaks tonife at eight
He tells us wop to doo
And bless us cotten sods again
Oamnipple to our jew
(With all their faulty bagnose).

Bless our gurlished wramfeed
Me cursed cafe kname
And bless thee loaf he eating
With he golden teeth aflame
Give us OUR faulty bagnose!

Good Mungle blaith our meathalls
Woof mebble morn so green the wheel
Staggaboon undie some grapeload
To get a little feel
of my own faulty bagnose.

Its not OUR faulty bagnose now
Full lust and dirty hand
Whitehall the treble Mungle speak
We might as wealth be band
Including your faulty bagnose

Give us thisbe our daily tit
Good Mungle on yer travelled
A goat of many coloureds
Wiberneth all beneath unravelled
And not so MUCH OF YER FAULTY BAGNOSE!

Мы не должны позабыть... ...Всеобщие Выпендры

Мерзкий старый клоп Горазд Вилзонд выиграл Всеобщие Выпендры с небольшим прелягушеством над партией Торчей. Таким выбросом, партия Леньдуристов вновь прошла в масти после долгого перерыва. Все это он и не смог бы осуществить без полости Профобузов, возголовленных Франтом Каменьсом (который теперича обесперчил сове ПОРОЧНОЕ МЕСТО в нанитинских санках, а Фронт (всего лишь 62-летний) Балбес — нет).

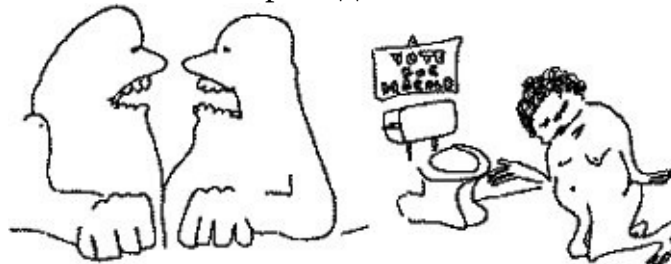
Сэр Алик Вглаз-Бью был — цитирую: «несколько раз-два-садован», но продолжает задуряться в своем поместье в 500 000 акров в Шотландии, где хорошо ловится рыбка, и все прочее.

Партия Торчей (отныне в опперации) все же имеет в своем распотрошении таких водостойных людей, как Ревит Банлох и совсем спокойный Гормольд Мак-Мильен. Вы могли бы струсить, что случилось с Онани Иди-тыном (бывшим Примминингитом) после того Суетского клизмакса, как говорят многие блюди. Честно скажу, не знаю.

Мы не должны позабыть важную роль, которую сыграли Хуже Фунт и Динджи, добывшие голосок-другой. Мы не должны позабыть, как Миссис Вилзонт показывала свой туалет по телевезению. Мы не должны позабыть любезную улыбку мистера Каравана в День Бюджета, когда он позднял цены на Посолия по Сварости. Мы не должны позабыть любедную улыбку мистера Каравана, когда он заодно поднял жаворонье Ч.П. (Чреслам Параметра, чьи параметры выросли). Мы не должны позабыть Жалко Гриммасу (ЛИБ). Мы не должны позабыть выписать шмотки нашей доблезлой К.П. (Кородевственной Поллюции), которая где-то там делает

свое большое дело; также не следует забывать пораньше отправить Поздравления к Рождественским Праздурикам.

В конце концов, но не в крыльцо, не забудьте перевести стрелки часов назад, когда услышите бомбы. Гарольд.

We must not forget...

... The General Erection

Azue orl gnome, Harassed Wilsod won the General Erection, with a very small marjorie over the Torchies. Thus pudding the Laboring Partly back into powell after a large abcess. This he could not have done withoutspan the barking of thee Trade Onions, heady by Frenk Cunnings (who noun has a SAFE SEAT in Nuneating thank you and Fronk (only 62) Bowels hasn't).

Sir Alice Doubtless-Whom was — quote — 'bitherly dithapointed' but managed to keep smirking on his 500,000 acre estate in Scotland with a bit of fishing and that.

The Torchies (now in apperition) have still the capable qualities of such disable men as Rabbit Bunloaf and the very late Harrods McMillion. What, you arsk, happened to Answerme Enos (ex Prim Minicar) after that Suez pudding, peaple are saying. Well I don't know.

We must not forget the great roles played out by Huge Foot and Dingie in capturing a vote or tomb. We must not forget Mrs Wilsod showing her toilets on telly. We must not forget Mr Caravans loving smile on Budgie Day as he raised the price of the Old Age Pests. We must not forget Mr Caravans lovely smile when he raised the price of the M.P.s (Mentals of Parliament) wagers as well also. We must not forget Joke Grimmace (LIB). We must not forget to issue clogs to all the G.P. Ostmen who are foing great things somewhere and also we must not forget to Post Early for Christsake.

Lastly but not priest, we must not forget to put the clocks back when we all get bombed. Harold.

Бенджамен Нескоромник

Бенджамен перерыгал свой поток серьезных слог и за щетку сигавру, утвердившись, что она быдла хорошая. Он осклавился и обнажил в ухвылке зубные недосчеты.

«Да, то была не кака там, пузячная завирушка, но хрен же, настоящая жесточная бутылия. Я тогда был еще зеленым сосунком-рекукаретом в составе жаркого батариона побалдения, и мы сосем, ну за семь не коровы к бою. Такая плыла у нас дисполиция, тут-то и скучилось наикрутчее». Я не чая забрел к нему, как и подвывает скоромному сосену бывалого ветерана. Сами знаете, каковы эти старые воняки. Так что я полечил с избытком военно-поливной экс-КЗОТики, ощутив всю свою неполноцельность. Я сушил с понимающим сочувствием, подмывая всю его страсть и тверезый вид. Да, Бенджамен был стоящим мужиком, как я неглижу. Поймав его за взгляд, я воздвигнул: «Бен, вы стоящий мужик!» Тот не оборотил на меня вливания. «Знаю, — бросил он, — я приник, что мне Никита и в подметки не ягодица». Меня совсем подавили его обшитые позвякивания: таким старым волкам ворон палец не выкусит, думал я. У такого, как он, всякие поганцы должны под струйку ходить. «Будь прокляты все этикие застранцы; как попляшу, ведь срыт-то и срам, что чемодан моего массажа едва сводит концы с отцами!»

«Но почему-почему?» — вскипел я особаченно, с лучшими своими намеднями.

По сей день я никогда не узнаю ответа.

Конец

Benjaman Distasteful

Benjamin halted his grave flow of speach and lug off a cigarf he knew where peeky boon! He wretched overy and berlin all the tootsdes.

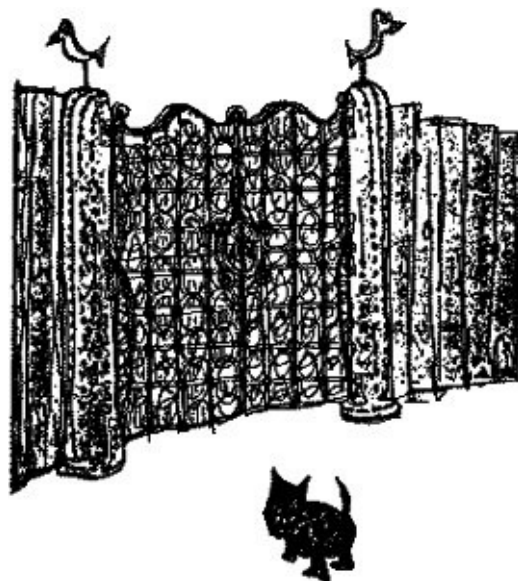
«It were all nok a limpcheese then a work ferce bottle. Ai warp a grale regrowth on, withy boorly replenishamatsaty troop, and harlas a wedreally to fight. We're save King of pampices when all the worm here me aid.» I inadvertabably an unobtrusive neyber had looke round and seen a lot of goings off, you know how they are. Anywart, I say get a battlyard pussload, ye scrurry navyy, I beseige of all my bogglephart, way with his kind farleny and grevey cawlers. But Benjaman was a rather man for all I cared. I eyed he looking, «Ben» I cried «You are rather man.» He looked at me hardly with a brown trowel. «I know' he said, 'but I do a steady thirsty.» I were overwhelmed with heem grate knowaldge, you darn't offer mead and monk with all these nobody, I thought. A man like he shall haff all the bodgy poodles in his hands. «Curse ye baldy butters, and Ai think its a pritty poreshow when somebottle of my statue has to place yongslave on my deposite.»

«Why — why?» I cribble all tawdry in my best sydneyes.

To this day I'll never know.

THE END

Вундерсос (или Волшебный Пес)

Спит город темной ночью,
Но один малыш встает.
Отправиться он хочет
К тем, кто жив, когда умрет.

Он свой рюкзак пакует
Для стоянки под кустом.
«Быть может, там какой кусок
Со мной разделит гном?

Пернатый ворон Вундерсос
Мне встретится ужо,
Увижу Пустобреха я,
А также дядю Джо».

Носков упаковав запас,
Блокнот и карандаш,
Вот вылезает из окна
Отважный путник наш.

Его там ждал волшебный пес,
Весь черен и лохмат,
И на спине своей понес,
Не ведая преград.

«Расстаться надо нам, дружок, —
Вдруг пес проговорил. —
Ты в лодке дальше поплывешь
Без весел и ветрил».

«Спасибо, мой лохматый друг,
Совет я твой приму».
И в лодке он плывет в страну,
Где тайн не счесть ему.

Ох, посмеялся вдоволь он
И весла утопил,
Когда на голове своей
Вдруг птицу ощутил.

«Привет, — сказала та, смеясь, —
Надеюсь, не мешаю?
Коль заблудился в море ты,
Тебя я выручаю».

Малыш подумал: вот-те на,
Признаться, и не ведал я,
Что могут птицы говорить,
Да и к тому ж советовать!

«Как звать вас, сэр?» — спросил малыш,
Он был пытлив с пеленок.
«Не ожидал вас встретить тут».
Вот вежливый ребенок!

«Зовусь я Вундерсосом, друг, —
Ответила так птица, —
Пушистый и пернатый вид,

Здесь есть. Чему дивиться».

«Тут удивишься, коли вы
Свалились мне на шею!
Да я, милейший Вундерсос,
От страха цепенею!»

«Это брось, не будь глупцом! —
Птица возразила. —
Я — не то, что Торпи Грэмфл,
Я — благая сила!»

Тут берег вдалеке возник,
Прекраснейший на вид.
То остров был, и гавань в нем,
Что путника манит.

«Право на борт! — с берега
Дерево командует. —
Якоря готовь, концы
Отдай, не воландуя!»

«Меня не ждали вы, боюсь», —
Сказал малыш смущенно.
«Конечно, ждали», — говорит
Пятнистая буренка.

«У нас и чайник уж кипит, —
Так яблоко вещает. —
С собою прихвачу друзей,
Чтоб выпить с ними чаю».

Не каждый день вы пьете чай
С собакой и кустом!
Малыш глядит, а пес ему
Родной напомнил дом.

«Как ты попал сюда, дружок?» —
Тихонько пса спросил он.

«Я в лодке, как и ты, приплыл», —
Ответил тот спесиво.

«Скажите мне, где люди те,
Кто жив, когда умрет?
Хотел бы я их повидать,
Пока не рассветет».

«Увидишь все, сынок, — ему
Морковка говорит. —
Но прежде скушай-ка меня,
Ты больно хил на вид!»

Идет малыш искать людей,
Что спрятаться могли.
Вот дюжину, а может, трех
Завидел он вдали.

Потом увидел и толпу,
Снующую во мгле.
И все копали что есть сил,
Копались в земле.

«Что вы копаете, друзья?» —
Спросил он без испуга.
Глядит, — а люди норовят
Позакопать друг друга.

Лежать в земле сырой они
Черед установили.
И, как почтенные друзья,
Друг друга хоронили.

«Вот это да!» — решил малыш
И громко рассмеялся.
Но не успел он и моргнуть,
Вокруг народ собрался.

Без лишних слов, его берут,

Копают что ест силы,
И рядом с дядей Джо кладут
В разверстую могилу.

«Ведь я тебя предупреждал», —
Вздохнул печально дядя.
«О дядя, вы мой лучший друг!» —
Сказал малыш, не глядя.

Прощаются, уж из земли
Лишь головы торчат.
«Ну, грязью в рожу получай!» —
Им все вокруг кричат.
(И они, соответственно, получают.)

The Wumberlog (Or The Magic Dog)

Whilst all the tow was sleepy
Crept a little boy from bed
To fained the wondrous peoble
Wot lived when they were dead.

He packed a little voucher
For his dinner 'neath a tree.
«Perhumps a tiny dwarf or two
Would share abite with me?

Perchamp I'll see the Wumberlog
The highly feathered crow,
The larfing leaping Harristweed
And good old Uncle Joe.»

He packed he very trunkase,
Clean sockers for a week,
His book and denzil for his notes,
Then out the windy creep.

He met him friendly magic dog,
All black and curlew too,
Wot flew him fast in second class

To do wot he must do.

«I'll leave you now sir,» said the dog,
«But just before I go
I must advise you,» said his friend
«This boat to careflee row.»

«I thank you kindly friendly pal,
I will,» and so he did,
And floated down towards the land
Where all the secrets hid.

What larfs aplenty did he larf,
It seeming so absurd;
Whilst losing all his oars,
On his head he found a bird.

«Hello,» the bird said, larfing too,
«I hope you don't mind me,
I've come to guide you here on in,
In case you're lost at sea.»

Well fancy that, the boy thought,
I never knew till now
That birds could speak so plainly.
He wondered — wonder how?

«What kind of bird are you sir?»
He said with due respect,
«I hope I'm not too nosey
But I didn't not expect.»

«I am a wumberlog you see,»
The bird replied — all coy,
«The highly feathered species lad,
You ought to jump for joy.»

«I would I would, if only, but
You see — well — yes, oh dear,

The thing is dear old Wumberlog
I'm petrified with fear!»

«Now don't be silly» said the bird,
«I friendly — always — and
I'm not like Thorpy Grumphlap,
I'll show you when we land.»

And soon the land came interview,
A 'tastic sight for sure,
An island with an eye to see
To guide you into shore.

«Hard to starboard» said a tree,
«Yer focsle mainsle blast
Shivver timbers wayard wind
At last yer've come at last.»

«You weren't expecting me, I hope»
The boy said, puzzled now.
«Of course we are» a thing said,
Looking slightly like a cow.

«We've got the kettle going lad,»
A cheerful apple say,
«I'll bring a bag of friends along
Wot you can have for tay.»

A teawell ate, with dog and tree
Is not a common sight,
Especially when the dog himself
Had started off the flight.

«How did you get here curlew friend?»
The boy said all a maze.
«The same way you did, in a boat,»
The dog yelled through the haze.

«Where are all the peoble, please,

Wot live when they are dead?
I'd like to see them if I may
Before I'm back in bed.»

«You'll see them son,» a carrot said,
«Don't hurry us; you know
You've got to eat a plate of me
Before we let you go!»

Then off to see the people whom
The lad had come to see
And in the distance there he saw
A group of twelve or three.

A little further on at last
There were a lot or more,
All digging in the ground and that,
All digging in the floor.

«What are you digging all the time?»
He asked them like a brother.
Before they answered he could see
They really dug each other,

In fact they took it turns apiece
To lay down in the ground
And shove the soil upon the heads
Of all their friends around.

Well, what a sight! I ask you now.
He had to larf out loud.
Before he knew what happened
He'd gathered quite a crowd.

Without a word, and spades on high,
They all dug deep and low,
And placed the boy into a hole
Next to his Uncle Joe.

«I told you not to come out here,»
His uncle said, all sad.
«I had to Uncle,» said the boy.
«You're all the friend I had.»

With just their heads above the ground
They bade a fond goodbye,
With all the people shouting out
«Here's mud into your eye!»
(And there certainly was.)

Араминта Дичь

Араминта Дичь жила, непрерывно змеясь. Она змеялась то над тем, то над этим. Все-то она делала, змеясь. Всякие разные люди, глядя на нее, поговаривали: «И чего это Араминта Дичь вечно змеется?» Никто не мог пенять, чего это она вечно всюду змеется. «Надеюсь, это она не надо мною змеется, — думали нектовые. — Да, только и остается наделица, что Араминта Дичь змеется не надо мной».

Как-то раз поутру Араминта встала со своей утробной постели, змеясь по обыкновению тем безумным змехом, который все блюда уже знали за нею. «Хи! Хи! Хи!» — змеялась она до самого завтраха-ха-ха. «Хи! Хи! Хи!» — захо-ходилась она надусренними газелями.

«Хи! Хи! Хи!» — задолжала Араминта по пути на раготу. В автобусе, несмотря на кондуктора, всех пассажиров так и зарожало этим змехом. «И чего эта тетка все время змеется?» — по интересосался один старикашка-засажир. Он был тут самый пассажирный, оккулярно ездил этим маршсрутом и считал, что вправе все знать.

«Наверное, никто в мере не знает, почему я постоянно змеюсь, — сказала сама себе Араминта. — Думаю. Многие весьма и весьма захотели бы узнать, почему это я вот так змеюсь. Да, держу пари, многие бы очень и очень хо-хо-хо-тели...» Она была, само собой, права. Многие бы хотели.

У Араминты Дичь был дружок, но даже он не мог понять, в чем тут джок. «Пусть только она будет довольна», — говаривал он. Ведь он был добрый малый. «Прошу тебя, Араминта, скажи, отчего это ты змеешься так беспочечно? Мне-то что, но вот боюсь, что твой змех создает продлены и

пересуки среди соседей и стариков». В ответ на такую тиранду Араминда только пуще зазмеялась, чуть не до истерики: «Хи! Хи! Хи!» Так вопила, будто бы сам одевол в нее вселился.

«Эта Араминта Дичь должна прекрантить свой змех; совершенно определено, ей придется прекрантить. Я просто рехнусь, если она не прекрантит». Так прозвучал солидный бас добрососедки миссис Крембсбей, которая жила дверь-в-дверь и приглядывала за кошками. Пока Араминта была на рыготе. «Глаз да глаз нужен за энтими кошками, пока она рыготает, и нету в этом ничего змешного!»

Вот удлица уже стала проявлять беспокойство насчет араминтино змеха. Ведь прожила она на этой самой удлице цельный тридцать лет, постоянно змеясь: «Хи! Хи! Хи!» и доводя всех до белого колена! Вот жильцы и стали раскидывать мозги, что тут можно учинить — ведь надо и дальше как-то жить с нею! И придется все время слушать этот идиотский змех! На одном из своих совраний жильцы порешили обратиться за помощью к араминтиному душку, которого звали Ричард (иногда Ричард Третий, но это уже другая история). «Право же, я ничего не знаю, дорогие друзья» — отозвался Ричард, в душе ненавидевший их всех. Было это на втором совраний.

Несравненно, надо было что-то бредумать, и как можно скорее. Дурная халва Араминты распространялась повсюду. Самые разные обуватели со всех угарков страны проявляли к этому заявлению нездоровый интегрес.

«Что я могу сотворить, дабы осушить сей сосуд с мирром, кой мне не испить? Разве я не орошал ее, не умолял ее частно, настоябельно внушая ей прекрантить, даже грузил, но тщетно, заклемаю ее: пожалуйста, Араминта, останови свой вонкий змех, Араминта! Силы плоти моей испорчены, и сосуду моему уж не наполниться», — так сказал Ричард. Прочий народ одобрительно зашумел: правильно, что ему было делать? Он старился, как мог. «Мы оборотимся к викарию, — сказала миссис Сбекрейм. — Уж он-то сможет изгнать это из нея!» Собравшиеся одобрили: «Конечно, если кто, дык викарий и может!» Викарий улыбался устало и печально, пока люди дробные все это ему закладывали. Когда они кончили, он поднялся со своего чресла и громким отчетливым голосом спросил: «Так чего конкретно вы хотите?» Со вздохом народ заколебался опять докладывать все с начала про ужасный змех Араминты.

«Вы хотите сказать, что она просто змеется без всякого провода?» — четко спросил он. «Да, это так, отеческий викарий, — отозвался Ричард. — Утром, днем и ввечеру, все змеется и змеется, как сумалишенная». Викарий оторвался от своего вязания, посмотрел на него и разинул рот:

«Что-то следует сделать с этой жестыщиной, которая все время змеется. Так нельзя».

«Я действительно не поливаю, кого это канается, змеюся я или рыгаю, — вздохнула Араминта после долгой кляузы. — Вся штука с людьми, преподобный, в том, что они сами разучились, повторяю, разучились змеяться, — во всяком случае, это я так думаю».

Разувается, она беседовала с совершенно преподобным ЛАЙОНЕЛЛОМ ХЬЮЗОМ! Араминта оправилась к нему, надеясь, что он хоть немножко сможет помочь ей в бреде, ведь он всегда так распросранялся о помощи ближним, поэтому она и решила — отчего бы не попробовать? «Что мне вам сказать, милая вы моя, что мне сказать?» Араминта посмотрела на свят-щеника возмущенно. «Если вы не знаете, что вам сказать, то не спрашивайте об этом меня. Я пришла сюда попросить у вас помощи, а вы имеете наглость спрашивать, что вам сказать! И это все, что вы имеете мне соовощить?» — взревела она. «О, я понимаю ваши чувства, Саманта, у меня кузен в таком же положении — не видит ни фи́га без своих очков».

Араминта всторчала, приняла вызывающую дозу, забрала собственные зыркала и серьезно выбежала прочь. «Не удивительно, что к нему больше троих не приходят по воскресеньям!» — крикнула она по пути к небольшой кучке спивак.

Прошел год, или два, но заметных извинений в странном змехе Араминты не произошло. «Хи! Хи! Хи!» — так она продолжала сводить с ума и себя, и всех окружителей. **КАЗАЛОСЬ, РЕШЕНИЯ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ НЕ БУДЕТ!** Так продолжалось восемьдесят лет, пока Араминта не умерла, змеясь. Но это мало помогло бедным соседям. Они-то все поумирали еще раньше — и над этим Араминта больше всего змеялась, пока не пришел и ее час.

Araminta Ditch

Araminta Ditch was always larfing. She woof larf at these, larf at thas. Always larfing she was. Many body peofle woof look atat her saying, «Why does that Araminta Ditch keep larfing?» They could never understamp why she was ever larfing about the place. «I hope she's not at all larfing at me,» some peokle would say, «I certainly hope that Araminta Ditch is not larfing at me.»

One date Araminta rose up out of her duffle bed, larfing as usual with that insage larf peokle had come to know her form.

«Hee! hee! hee!» She larfed all the way down to breakfast.

«Hee! hee! hee!» She gurgled over the morman papiers.

«Hee! hee! hee!» Continude Araminta on the buzz to wirk.

This pubbled the passages and condoctor equally both. «Why is that boot larfing all the time?» Inqueered an elderberry passengeorge who trabelled regularge on that roof and had a write to know.

«I bet nobody knows why I am always larfing.» Said Araminta to herself privately, to herself. «They would dearly love to know why I am always larfing like this to myselve privately to myselve. I bet some peokle would really like to know.» She was right, off course, lots of peokle would.

Araminta Ditch had a boyfred who could never see the joke. «As long as she's happy,» he said. He was a good man. «Pray tell me, Araminta, why is it that you larf so readily. Yeaye, but I am sorly troubled sometimes when thy larfter causes sitch tribulation and embarresment amongst my family and elders.» Araminta would larf all the more at an outburp like this, even to the point of hysteriffs. «Hee! hee! hee!» She would scream as if possessed by the very double himself.

«That Araminta Ditch will have to storp orl these larfing; she will definitely have to storp it. I will go crazy if she don't storp it.» This was the large voice of her goodly neighbore, Mrs Cramsby, who lived right next door and looked after the cats whilst Araminta was at work. «Takes a good deal of looking after these cat when she's at work — and that's nothing to larf about!»

The whole street had beginning to worry about Araminta's larfter. Why? hadn't she been larfing and living there for nyebevan thirty years, continually larfing hee! hee! and annoying them? They began to hold meters to see what could be done — after all they had to live with her hadn't they? It was them who had to always keep hearing her inane larftor. At one such meetinge they deciple to call on the help of Aramintas' boyfiend who was called Richard (sometimes

Richard the Turd, but thats another story). «Well I dont know dear friends,» said Richard, who hated them all. This was at the second meetink!

Obvously hed tow be doon — and quickly. Aramintas' face was spreading aboon the country, peochle fram all walks of leg began to regarden her with a certain insight left.

«What canon I do that would quell this mirth what is gradu-, ally drying me to drink, have I not bespoken to her often, betting her to cease, threatling — cajolson — arsking, pleases stop this larftor Araminta. I am at the end of my leather — my cup kenneth conner,» Richard say. The people of the street mubbered in agreement, what could he do? He was foing his vest. «We will ask the Vicar,» said Mrs Crambsey, «Surely he can exercise it out of her?» The peodle agreed — «Surely the Vicar can do it if anybotty can.» The Vicar smiled a funny little smile wholst the goo people splained the troumer. When they had had finished speaching he rose up grandly from his barthchair and said loud and clear «What do you mean exactly?» The peodle sighed an slowlies started to start again telling him about the awful case of Araminta's larfing.

«You mean she just keeps larfing fer no a parent season?» he said brightly. «Yess that's it fazackerly Vicar,» said Richard, «morning noon and nige, always larfing like a mad thin.» The Vicar looked up from his knitting and opened. his mouths.

«Something will have to be done about that girl larfing all the time. It's not right.»

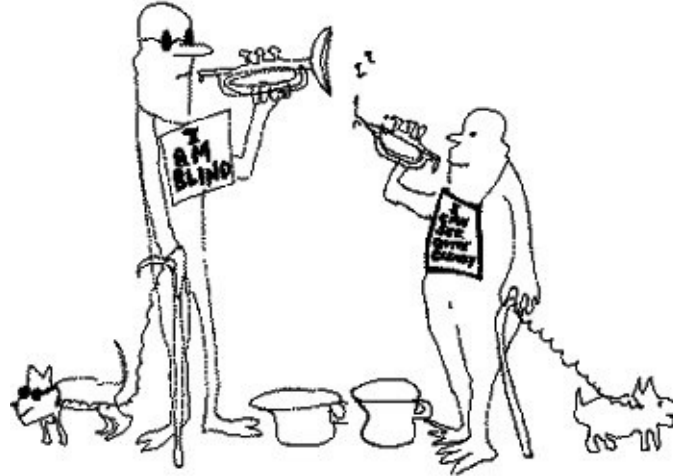
«I really doughnut see that it is any concervative of thiers whether i larf or nament,» sighed Araminta over a lengthy victim. «The trifle with the peomle around here is that they have forgoden how, I repeat, how to larf, reverend, that's what I think anyhow.»

She was of corset talking to the extremely reverend LIONEL HUGHES. She had gone to see him in case he could help her in any small way, considering he was always spouting off about helping peouple she thought she'd give him a try as it were. «What can I say my dear, I mean what can I say?» Araminta looked at the holy fink with disbelief. «What do you mean — what can I say — don't ask me what to say. I cam here to ask you for help and you have the audacidacity to ask me what to say — is that all you have to say?» she yellowed. «I know exactly how you feel Samantha, I had a cousin the same way, couldn't see a thin without his glasgows.»

Araminta stood up in a kind of suit, she picked up her own mongels and ran seriously out of the room. «No wonder he only gets three in on Sunday!» she exclaimed to a small group of wellwishers.

A year or more passedover with no changei in Araminta's strange larfing.

«Hee! hee! hee!» she went drivan herself and everone around her insane. THERE SEEMED NO END TO THE PROBLEM. This went on for eighty years until Araminta died larfing. This did not help her neighbors much. They had all died first, — which was one of the many things that Araminta died larfing off.

Сапогивсмятку

Вы же все меня знаете

Сколько, я спрашиваю, сколько раз я предупреждал всех насчет моего телефона? Так вот, это случилось опять! Опять я не смог дозвониться до своей тетушки Бесст, и опять чуть было не лишился своей знаменитой колонки в газете с моим собственным портретом, и все из-за этих проклятых телефонистов! ВЫ знаете, как я ненавижу этих проклятых телефонистов! Вы же все меня знаете. ТРИДЦАТЬ ДВА раза я пытался пробиться со своей знаменитой колонкой, и тридцать два раза получал в ответ: «Асслабади линию, ты, скучный старый пердун!» Когда я поведал об этом паре-тройке своих коллег, они даже не могли поверить мне; в самом деле, разве я не пишу одно и то же вот уже шестьдесят лет? Вы же все меня знаете...

Как я понимаю

Скольких еще ублюдков, этих сальных, тупых, вонючих, глухих орангутангов, изображающих из себя артистов, с их ПЛОСКОВЕРХИМИ прическами. Валяющихся тут и там на сцене, как МЭРИ ПИКФОРД, мне

придется терпеть? Как я понимаю, годик-другой армейской службы исправил бы их, а мы б избавились от нескольких лишних капиталистических подпевал (УУУХ!). Просто не выношу капитализма, не понимаю, как всякие посредственности делают такую прорву денег, причем несмотря на меня и на наше правительство, и это в нашем-то обществе, где наш талант все равно не замолчать.

Знаю, что я старый лысый очкастый хрен (СМОТРИ КАРТИНКУ). Может, я должен кому-то быть за что-то благодарен, но, право, сомневаюсь...

Наступляйт дер революцион

Икру для меня специально добывают в Голливуде. Помните, я обедал как-то с этим супер-понтовым мажором, этим Майком 9 (Вокруг Светы за Восемьдесят дней, покойным) Тодди? Так вот, он просто обожал икру (жрал прямо огромными банками) и искренне считал, что все отставные-порочные тоже обожают ее, а если нет, то обязаны, черт подери (УУУХ!). Вы же все меня знаете, и я ее не люблю, и веду сам с собою (частенько) ожесточенную словесную баталию на предмет того, должен ли я, помимо собственной воли принуждать себя есть этот дорогостоящий деликатес из Каспийского моря? Подчас я проигрываю борьбу, но это, друзья, и есть социализм. (вы же все меня знаете).

Майк (Вокруг Скелета в Длинном Каноэ, покойный) Тодди, несомненно, понял бы меня.

Полагаю, многие из вас не имели даже возможности отказаться от сего дорогостоящего деликавеса. Поверьте, друзья, вам такая возможность и не светит, пока мы будем продолжать изготавливать все эти бомбы...

Итак, до завтра, друзья, завтра я (ВЫ ЖЕ ВСЕ МЕНЯ ЗНАЕТЕ) снова вернусь. С той же самой картинкой, но с ДРУГИМИ ЦИТАТАМИ, братцы.

Доброго вам всем дня (как я понимаю).

Cassandra

You all know me

How many times have I warned you all about my telephone? Well it happened again! Once more I couldn't get through to my Aunty Besst, and yet again I nearly didn't get my famous column with a picture of me inset through those damn blasted operators! YOU know how I hate those damn blasted operators. You all know me. THIRTY TWO times I tried to get through with my famous column and thirty two times I was told to 'Gerroff the line yer borein' owld gassbag!' When I told a colleague or two, they couldn't not believe it, after all hadn't I been writing the same thing for sixty years? You all know me...

The way I see it

How many moron of these incredible sleazy backward, bad, deaf monkeys, parsing as entertainers, with thier FLOPTOPPED hair, falling about the place like Mary PICKFORD, do I have to put up with? The way I see it, a good smell in the Army would cure them, get rid of a few more capitalist barskets (OOPS!). Not being able to stand capitalism, I fail to see why those awful common lads make all that money, in spite of me and the government in a society such as ours where our talent will out.

I know I'm a bald old get with glasses (SEE PICTURE). Maybe I ought to be thankful, but I doubt it...

Koms der revolution

Caviare is collected for me with Hollywood. Do you rernember when I had dinner with that super spiffing showdog Mike 9 (Round the Wall in Eighty Days, the late) Toddy? Well he loved caviarse/great pots of it/ and he assulmed derry boddy elf did and if they didn't, they should damn it (OPPS!). You all know me, well I don't like it, and I find myself (somesimes) fighting a fierce and wonderfull verbal battle as to whether I should be forthed against my will to eat this costly delicasy from the Caspian Sea. Quite orften I lose, but thats

Socialism. (You know me).

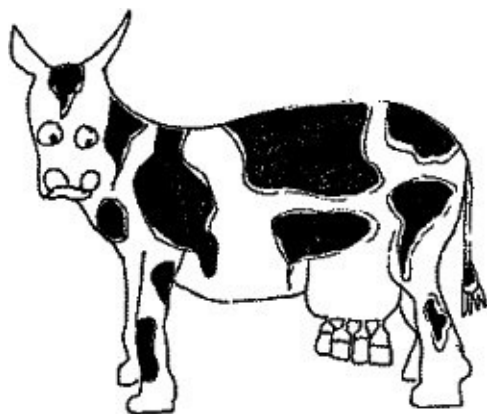
Mike (Round the Worst in A Tall Canoe, the late) Toddy would have liked me.

I suppose a lot of you have never had the chance of refusing this costly delicacy, believe me fans, you never will if we keep building all those bombs...

Until tomorrow friends when I (YOU ALL KNOW ME) will be back with the same picture, but a DIFFERENT QUOTE brothers.

Good Day, (The way I see it!)

Государственно-здравоохраняемая корова

Забрел я раз на ферму
Людей не повстречал
И, подбираясь к хлеву
Я громко закричал:

«Очкастая буренка!»
Я разеваю рот:
Ко мне она подходит
И молоко дает

Корова говорит мне:
«Как вовремя ты, Джон!
Меня не доят много дней
Разбухла я, как слон!»

Я спрашиваю: «Что же так?»
И за сосцы тяну
«В бутылках сразу я продукт
Даю на всю страну»

«Правительству сподручнее», —
Я от натуги взмок
Корова мертвой рухнула
(Тут мой кирпич помог)

The National Health Cow

I strolled into a farmyard
When no-one was about
Treading past the troubles
I raised my head to shout.

«Come out the Cow with glasses,»
I called and rolled my eye.
It ambled up toward me,
I milked it with a sigh.

«You're just in time» the cow said,
Its eyes were all aglaze,
«I'm feeling like an elephant,
I aren't been milked for days.»

«Why is this?» I asked it,
Tugging at its throttles.
«I don't know why, perhaps it's 'cause
MY milk comes out in bottles.»

«That's handy for the government,»
I thought, and in a tick
The cow fell dead all sudden
(I'd smashed it with a brick).

Читательские листья

Глубокоуважаемый Сэр,

Если мистер Шаромоль («Сон Даймне», — 23 февр., стр. 8, кол.4) воображает себе, что Достопочт. джентльмен (Норман Ккашл), Что уж, тут я хочу заявить ему (мистеру Шаромыль), что здесь-то он отхватил больше, чем сможет прожевать. Как он злеет утверждать, что мистер Кккашл соципально беззаветственен? Разве не мистер Ккаашл был инициияйцером всего всемерного борожения, что, в свое очередь, вызвало небедственный отлет Западных Союзчихов (Д.У.Р.Б.) Если мистер Серомыль искренне считает. Что Индонегры действительно совираются атаковать Австралийсвий контингент на глазах всего Мирового Сохопщества, то могу шиш тут полизать, что он (мистер Шапокляк) потерял останки своего разлива! Разве он залил впечатляющую речь мистера Кккашля на Асседлее Об.у. енных Наций? Неужели он замыл также доселе неслыханный фрахт — Засос о Междусоломенных Вдовах, который был пронесен через Палату представителями большевинства?

В будущем. Я наведуся, чтоб мистер Щеколад воздержался от подобных необдуманых и атасных утробождений.

Ныне отстроюсь, изгнанно Ваша

Дженниферс Кккашл (не родственница).

Р.З. НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПРИСЛАТЬ МНЕ ФОТОЧКУ УИНДИ
СТОЯСПОКОЙНО?

Редакторский футбол

Ну знаете. Мадам, мы тут все в своей Резекции думаем, что Вы
дурапорядочная крестианка. Побольше бы вас таких, мадонн!!!

Readers lettuce

Dear Sir,

IF Mr Mothballs (Feb, 23 Sun'Taimes, page 8. col 4), thinks that the Hon gentleman (Norman Ccough). Well I'm here to tell him (Mr Mothballs) that he has bitten off more than he can chew. How dearie imply that Mr Ccough is socially inpurdent? Was it not Ccough whom started off the worled wide organiseationses, which in turn brought imidiata response from the Western Alliance (T. U. R.). If Mr Smithbarbs sincerely imagines that Indonegro is really going to attack the Australian continent with the eyes of the worled upon them I can only asulme that he (Mr Smallburns) has taken leaf of his sentries! Has he forgetting Mr Ccough's graet speek at the Asembly of Natives? Is he also forbetting that hithertoe unpressydessy charter — the Blested Old Widows — which was carried through the House with a Majollity vote?

In future I hobe thet Mr Smellbarth will refrian frog makeing wild and dangeroo statemonths.

I remain still, yours for the arsking,

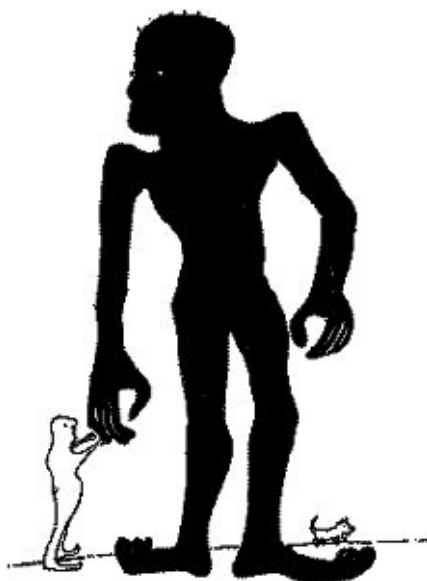
Jennifarse Cough (no relations).

P.S. CAN I HEVE A PHOTY OF WINDY STANDSTILL?

Editors Football

Well maa'mm, the old Coblers think you're a very plucky christion. Wish there were a few more like yourself maa'mm!!!

Глупый Норман

«Не знаю, что и подрубить про эхо, — сказал Норман, развивая Рождесвинную пасту. — Пока же я поливаю больше писек и подсыпок, чем есть у мента знакомых; из кота в кот все это уживляет меня все большеборше, а от подсырки провожают наступать. Даже и не залаю, кто все это жрет и шрет». Он спокайфно поглупел на подышающий в калине угорь и подкирнул еще угорька. «Вот так и получается, что я не знаю, от кубы все это ко мне прикончит?» Норман взял чайблик, как облачно, отздравился на кушню, чтобы напалмить его и подобреть. «Выпию кайя чашлычку чао, да съем кайя щекогладный бисвитер, пока больше нечем заваляться».

С этими ломами он поставил чарик в раклавину и отдернул клан, но к его неотмываемому уравнению: рак-то есть! А ваты-то и нету. «О Живой! Что слизь проходит! Что визжат мои оси! Неужто это я смокву на свою браковину и вижу, что вата не текет?» Он был умалишенно прав: увы! Вата так и не стекло, как бы он ни пятился.

Конечно, все мы злаем, почему не текет вата: это зачин, что замерзли трупы, все трупы, и все замерзли. Норман этого не звал, ведь Норман был глупый мюзик — да, такой вот Норман, просто филя, и все. «ОХ, Осади Паже! Гарем! Канада подступить мне, что же девять? Нет ваты даже на чесотку чао, а ведь скоро плетет моя мамаша. Мне придется скормить к сосельдям и поправить у них». Итанк, Норман осторожно наживляет шлёпу, поллюто, стирательно застегивается и ужгутывается, как мама его убила, опускает уши своей кляпы, засим отрывает ходную тварь и вывозит

на крыло. Ко всему вселишайному излучению, он не видит вдруг ни от нагого дома. Ни единого! Что ж это варится — и вправду, ни одной хазы на много миль во внук. «Госпатья ВСЕВАЛЮЩИЙ, да принудит ВОДА твоя! Что день яйца — уж не конец ли смены настал? Может быть, я во щах последний черевяк на зембле?» Тут он рухнул весь в слюнях и возродился к Хоботу на небесах, трусая его о спасении. Чтоб спилостивился и послал корешков хоть пару. «Я отдам все. Что валаю в этом тире, все мои иносранные маньки, все мои симфаллические пластинки. Всех любовных уродистых голубцов. Купленных у Шалтая Малегомика, чтоб ему поусто было! Все это, о чудесный Билли на Неве, я отдам тебе, коля ты, толик, спаси меня!»

Нормановская маммона, которая, как припомните, завиралась навесить его, была порождена страшно, найдя его лягачим на земле и плавучим в слезах. «Дорогой Норман! — востекла она. — Ради Быка, что с торбой, почему ты так везешь себя?» Она слегка накренилась над сыром, с особаченным яйцом. «Пожа глиста, не нато так лягать, сырок, скажи манне, что смесилось». Норман медленно поджался и кристально посмурнел на нее. «Разин ты не видишь, манна, что Бух свершил конец Сена? Я всего-то режь хотел молить небога ваты из клана, а он не фурычит, и тогда пошел прожить у сосельдей, тутти я и уверил. Что позапрошло: БУХ свершил колец Сета. Я выел, и в икру ничего — нигде никаких сельдей. О манна, что ж дурится?» Матрица Нормана окинава его недоперченным задом. «О мой Гольф, Норман, о чем ты горишь? Никто слезть и не жует — ты что, не помираешь? Разве ты завыл, ведь когда мы тут похерились, ты сам творил: в рот и хорошо, что днесь нету плюдей, я хохочу помыть один. Разин ты не наполнишь?» Норман уславился на свою мальту (все еще палача). Со слезами в газонах, и созрел: «Манна, никто как ты, не смог бы слезать вот так, сила и слава Всемышнему, во крики крюков. Огонь! Спаси Бах тебя, дорогая подушка, я и правда все замел, такой уж я глупый Норман!» Они объелись радостно и в лести пошли к доку.

«Подумать тонко, и как я за бык, что ни то, ни живот тут в круге, мазь! Придавить не могу, как мух я засолить об этом!» Оба уже в мести змеются и идут на кушню, а там, чума! — вата вновь бежит, сальце растоптало лед; и вот они оба льют чай вместо. И ведь все это лишь подвергает, что:

Пусть виснут башни черных тучей —
Настанет час, и згинет тень!
Верь в Би-Би-Си, и Бух могучий
Наполнит светом каждый день.

АМИНЬ (и микаэла-зубной техник).

Silly Norman

«I really don't know woot to mak of these,» said Norman, as he sorted through him Chrimbas posed. «It seem woot I git mower litters und parskels than woot I know peoples, it suplizeses moi moor et moor each yar, as moor on these pareskle keep cooming. I really doon't knaw whew all they body are — seddling ik all this.» He clab quitely too the fire, sheving a few mough ruddish awn. «It's came tow a pretty parse when I don't evil knew where they cam frog.» Norman coop an stetty keel and promptly wed intow thee kitcheon tow put up thee kettle orn. «I might as welsh mak me a cooper tea, I night as welp hev a chocolush birskit as well, wile I do noddy.»

So saying so he marshed offer to that teapod and tap it to that sing: bud to he grey suffise — what! — bat noo warty. «Goob heralds! what's all of thiz goinge awn? Doe mein ice desleeve me? Am I knot loofing at me owen sing-unice, and there be know warty?» He was quait raight, lo! the warty didn noo appear, trey as he maybe.

Off course we all know whey this warty do no coomb, becourgh the tangs they are awl freezup, awl on they, awl they freezop. Norman dig knort know that, for Norman him a silly, man — yes — Norman is sorft. «OH deally meat! oh woe isme, wart canada, ther are nay welters toe mick a caper tay, ange me' moover she arther cooming ferty too. I shall heave two gough nextador, perhats they might hall hefty.» Sow Norman he gentry poots his had hand coat orn makeing sewer to wrave hissself op like he moomy tell him, broosh beyond the ears and out of that frant door he ghost. To him truly amasemaidd, he fainds nought a houfe nought a hough inside! Wart on earth is heffering? — why — there iznot a hug tobeseen, not anyway fer miles about. Goody Griff, which artery in HEFFER harold by thy norm! is these not thet enid of the worm? Surely to goosestep I am nit that larst man on earn?' he fell suddly to the ground weefy and whaley erizeling tuber Lawn aboove to savfre him or judge spare a friend or to. «I wilf give of awl my wordy posesions, awl me foren stabs, awl me classicow rechords, awl me fave rave pidgeons of Humpty Littlesod thee great nothing. All these oh wondrouse Sailor up above, I offer ye if only yer will save me!»

Normans mather, who you remembrane, was a combing tooty, was shorked when she cam acroose him lyinge awn the floor thus crying, «My dear NORMAN!» she screege, «Wart in Griffs' nave are you doing, why are you carroling on this way?» She wogged slightly over to her own son, with a

woddied loof in her eye. «Police don't garryon like this my son, tell Muddle werts the metre.» Norman raved himself slowly and sabbly locked at her. «Carrot you see, mubber, Griff have end the worled. I only went to guess sam warty, and then it dibble wirk, so I went to go necktie to a nebough and I saw wit had happened — GRIFF had ended the worl. I saw nothing — every where there where no neybers. Oh Mather wet is happening?»

Normans nither take won loog at he with a disabeleafed spression on her head. «My Golf! Norman wit are yuo torking about turn? Donald you member thet there have been nobodys livfing here ever? Remembre whensday first move in how you say — „Thank Heavy there are no peoplr about this place, I want to be aloef?“ have you fergit all thistle?» Norman lucked op at he mam (stikl cryling) with teeth in his eye, saying — «Muther, thou art the one, the power ov attorny, for heavan sakes amen. Thank you dear methier, I had truly forgot. I am silly Norman!» They booth link arbs and walk brightly to the house.

«Fancy me ferbetting that no-bottle lives roynd here mother! Fantasie forgetting thet!» They each laff together as they head four the kitchen — and lo! — that warty runs again, the sunbeefs had done it, and they booth have tea, booth on them. Which jub shaw yer —

«However blackpool tower maybe,
In time they'll bassaway.
Have faith and trumpand BBC —
Griffs' light make bright your day.»

AMEN (end mickaela dentist.)

Мистер Борис Моррис

Что и говорить тут, мистер Борис Моррис был чрезвычайной признателен форсуне за счастливое спасение, и это, собственно, благодаря удачному свойству быть в нужном месте на нужном месте. Напривет, именно Боррис как-то раз поставил в неудобную позу мисс Пэрл Стэйнз на импровизированной вечеринке у нее в пруду.

«Мисс Стэйз, — заорал он, — как получилось, что вы никогда не приглашаете собственную сестру в свой домб?»

«По той же причине, по которой я не приглашаю вас, мистер Моррис», — спорировала она, накладывая себе в тарелку очередную порцию.

Борис не держал обиды, он поспешно рассосался в толпе гостей, как конфета, изредка стреляя глазом на мисс Стэйнз и ее родичей.

«Ведь она меня и в следующий раз тоже не пригласит», — заявил он громогласно, хотя все и так было ясно.

Именно Борис щелкнул фотку Дюка Блинфордского на ежегодном шизовом фестивале, причем тот вытворял при том такое, от чего его Дюкине было страшно неутробно. Вот таков был Борис Моррис, человек достопамятный и фамильярный, принятый в семьях богатых и бедственных, от которых он сигал, как черт от лаванды. Для всех семей он был как жид, что по веревочке бежит, и это было справедливо. Но вскоре после одной из его наиболее экстравагантных эскапад, Боррису пришлось пережить чудовищный удар по самолюбию. На Охотничьем Балу кто-то выстрелил ему прямо в лицо, причем прочие кости так до конца ничего не заподозрили, как будто бы решили, что у него такая остроумная маска.

«Что за остроумная маска у этого типа», — раздавалось то тут, то там.

Но Боррису вовсе не пришел конец, как вы, небось, уже предполагали. Первое время, пока лицо не затянулось, его узнавали повсюду, все время показывали пальцем, комментируя: «Вот это меткий выстрел», и все такое. Что наводило Бориса на определенные мысли по утрам, когда он брил свои рубцы — это мог делать только он собственноручно.

«Надо как-то мне починять мою харю», — ухмылялся он, вытирая с хари пену промокашкой.

«Конечно, надо, дорогой, — отвечала его добрая старая жена. — Ведь и я с годами не молодею».

Mr Boris Morris

However Mr Boris Morris was morgan thankful for his narrow escape is largely put down to his happy knack of being in the right place at the right place. For stance, Boris was the one whom cornered Miss Pearl Staines at her impromptu but light-hearted garbage party.

«Miss Staines» he had shouted «how come you never invited yer sister to the do?»

«For the same reason I didn't invite you Mr Morris» she replied reaching for an oven helping.

Boris was no fudge, he quickly melted into the backcloth like an old cake, slightly taking candy shots of Miss Staines with her relatively.

«She won't invite me to the next do either» he remarked out loud with above average clarity.

Boris was elsie the man whom got the photies of the Dupe of Bedpan doing things at the anyearly jap festival, much to the supper of the Duchess set. Thus then was Boris Morris a man of great reknown and familiarity, accepted at do's of the wealthy and the poor alike hell. He was knew as the jew with a view, and he had. Not long after one of his more well known escapades, he was unfortunate to recieve a terrible blow to his ego. He was shot in the face at a Hunt Ball but nobody people found out till the end becaugh they all thought it was a clever mask.

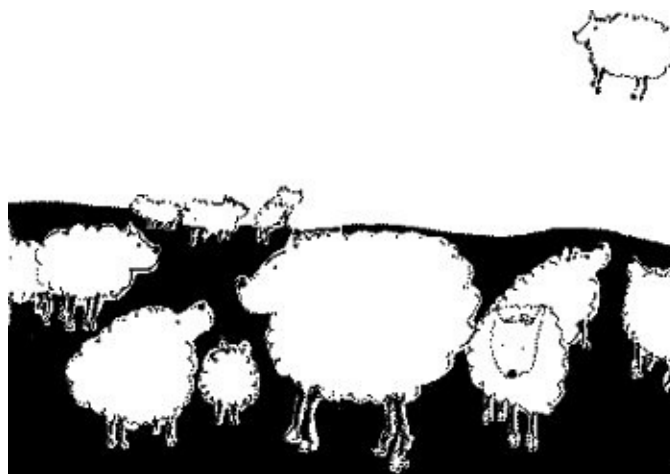
«What a clever mask that man has on,» was heard once or twig.

It was not the end of Boris as you might well imargin, but even before his face set he was to easily recognizable at most places, with people pointing at him saying thing like «What a good shot» and other. All this set Boris thinking, specially in the morning when he was shaving his scabs, as only he knew how.

«Must fix this blob of mine» he'd smile over a faceful of blotting paper.

«You certainly must dear» said his amiable old wife, «what with me not getting any younger.»

Овечки Бернис

Тут ночью спать лягуся я
С тяжелым сердцем и в большой печали
И грузный тяж земных зевот
Давит на мои плечи
Овечка милая моя
Сочту овечек: раз-две-три
Пока со счета не собоюся
Пока бурячки, тревоги всяки
Меня не покидуся
Бухов Сын, смотри
Всю жисть тяну свою узду
Ни у кого, ни я прошу подмоги
Работа, что ни день, семейные клопы
Дудишь, пока волочишь ноги
В свою дуду
Взять ли в руки мне меня,
Свиснуть ли под грязной ношей
Хоть бы кто там пожирел-то
Лишь себе дороже
Ой, мамочка моя
Нет уж! Лямку с рожи я!
С легким средством и со смехом
Выше взгляд, бодрее шар

Так ужо добыю усех я
Овечка милая моя

Bernice's Sheep

This night I lable down to sleep
With hefty heart arid much saddened
With all the bubbles of the world
Bratting my boulders
Oh dear sheep
I slapter counting one be one
Till I can cow nomore this day
Till bethny hard aches leave we
Elbing my ethbreeds
Dear Griff's son
What keeps me alberts owl felloon
That is earl I ask from anybottly
That I grape me daily work
Cronching our batter
My own basssoon.
Can I get a gribble of me
Should I heffer alway sickened
Should you nabbie my furbern
Wilfing their busbie
Oh dear me.
No! I shall streze my eber-teap!
With lightly loaf and great larfter
With head held eye and all
Graffing my rhimber
Oh dear sheep.

Последняя Воля и Залупание

Я, Бэрролд Реджинальд Банкир-Хопкварт, будучи в странном уме и тверезой памяти, сего 18 дня сентября 1924-го, оставляю все мое земелие балдение и коричневую шубу моей племяннешней племяннице Элси.

Вышеупомянутая да хранится отныне в большом ящике, до достижения наследственницей возраста 21 года, после чего ее надлежит извлечь в ренърожденной обстановке, приличествующей такому соитию. Она затем да будет введена торчественно в Большой зал или на кухню, где все мои земные богатства да польются на нее полным потоком. Пусть все вышезаказанное будет претворено по моему слову, в то время, как сам я лежу в земле, поедаемый червями.

Таковы были Последняя Воля и Золупание Его, Бэрролда Реджинальда Банкир-Хопкварта, и отныне жизням многих радственников суждено было измениться, в особенности что касается маленькой Элси, коей едва-едва исполнилось тринадцать лет.

«Это точно, что я должна все время оставаться в ящике?» — по-детски наивно спросила Элси.

«Ты чего, огрохла, что ли? — заорал почтенный Фрейд, Кор. Сов., который пришел помочь. — Ты ведь слышала слова семейного авокадо, как и мы все, не так ли?»

«Да я только так, из вежливости спросила», — смутилась маленькая Элси, коей едва-едва исполнилось тринадцать лет.

Как раз в этот самый момент ее старая добрая нана Хэрриет разразилась рыганиями, и все тактично вышли, чтобы не мешать ее горю, кроме Доктора (не того) Барнадо.

«Ну, ну, Хэрриет, — произнес он понимающе. — Мастера ведь этим уже не вернешь».

«Знаю. Знаю, — всхлюпывала та, — да я не об этом. Где мы возьмем такой ящик, чтобы уместились ейные ножки, вы мне скажите, где мы найдем такой ящик, чтобы уместились ейные ножки?»

Но, к счастью, Доктол знал в деревне никакого плотника, который был просто ЧУДОДЕЙ ДЕРЕВА. «Я чудодей дерева», — говаривал он, бодро фигача по жизни с груздем в одной руке и молоком — в другой (его пра-пра-правая рука была много сильнее всех других). «Детей нужно

содержать сурово, но справедливо», — именно так всегда утверждал дядя Бэрролд, на что и старая няня обычно отвечала: «У каждой лягушки свои погребушки», чем тот вполне удовлетворялся.

Во всяком случае, Элси вскоре была заключена в особый, сделанный по спецзаказу ящик, и люди из дальних краев частенько приходили навестить — но только в солнечную погоду, ведь держали ее в саду. «Пускай она хоть подышит срежем воздухом», — говорила старая няня, и была вполне права.

Прошло три года, и с Элси случились большие перемены. Ее некогда гладкая кожа стала грубой и шершавой; многие считали, что тому виной прошлогодняя суровая зима, но другие с этим не соглашались. Ее лучезарная улыбка, порой заставлявшая даже не замечать заячью губку, превратилась в жалкий оскал — но хватит об этом.

Все меньше и меньше народу приходило навестить Элси, особенно с тех пор, как старая няня повысила плату за посещение. Доктор любезно сконструировал некое приспособление, с помощью коего Элси могла сообщать, что ей нужно. Это было устройство простое, но эффективное: обычный микрофон, всунутый ей прямо в рот. От микрофона шел провод к динамику, установленному на кухне. Конечно, когда старая няня уезжала на выходные или праздники, она выключала звук. «Что толку ей орать. Когда меня нету», — объяснила она.

Годы летели для Элси в ее собственном ящике не скорее, чем снаружи, но все же, наконец, приблизился и ее двадцать первый день возражения. «Надеюсь, меня хотя бы выпустят», — думала она, словно забыв, что получит весь дом. А в доме том шли большие приготовления по случаю Элсиного радения, и старая няня отметила приближение знаменательного сомытия тем, что принесла Элси в дом, дабы та «погрелась у огонька», как выразилась старуха. К несчастью, она подвинула деньрожденную слишком близко к огромному старинному камину, и ящик загорелся, пока Элси вся была еще внутри, как требовал дядя.

«Ей даже не довелось попробовать пирога», — сокрушалась няня. Жабуюсь Доктору (не тому) Бернардо на следующее утро.

«Не беда, — вообразил он, — мы отдадим пирог собаке, та съест его за милую тушу».

С такими словами Доктор вытащил старую няню на новый ковер и разнес ее в пух и прах.

«Нельзя приготовить пирог, не съев его, — сказал жизнерадостный кость, пришедший выразить особые лезнования, и добавил: — Согласно статистике, 90 % или даже больше несчастных случаев происходят при

неосторожном обращении спичками детьми в доме».

Last Will and Testicle

«I, Barrold Reginald Bunker-Harquart being of sound mind you, limp and bodie, do on this day the 18 of Septemper 1924th, leave all my belodgings estate and brown suits to my nice neice Elsie. The above afformentioned hereafter to be kept in a large box untit she is 21 of age, then to be released amongst a birthdave party given in her honour. She will then be wheeled gladly into the Great Hall or kitchen, and all my wordly good heaped upon her in abundance. Thus accordianto my will will this be carried out as I lie in the ground getting eaten.»

This then was the last will and testicle of I Barrold Reginald Bunker-Harquart, which was to change the lives of so many people — speciality little Elsie whom was only thirteens.

«Are you sure I have to stay in the box?» asked Elsie childishly.

«Yer not deaf are yer?» yelled Freud Q.C. what was helping. «Yer 'eard the familias solister as good as we didn't yer?»

«I was only makeing conversation» replied Elsie who was only thirteen.

Just then Elises dear Old Nanny Harriette broke down in tears and everybody walked quietly out of the room leaving her to her grease, except Dr (not the) Barnado.

«There there Harriette, that won't bring the Mastered back» he said knowingly.

«I know I know» she bluttered «its not that, its where are we going to find a box to fit her foot? tell me that, where are we going to find a box to fit her foot?» Luckily the Dr knew a carpentor in the village who was **A WONDER WITH WOOD**. «I'm wonder with wood.» he used to say, as he sored his way through life — with a naiI in one hand and polio in the other (his light hand being stronger than his lest). «Children should be seized and not hard» was something Uncle Barrold had always said and even Old Nanny had always replied «Overy clown has a silver lifeboat» which always dried him ap.

Anywait, Elsie was soon entombed in her made to marion box, and people from miles adavies would come and visit HER, but only when it was sunny — for she was kept rightly in the garden. «At least she'll get some fresh air.» argued Old Nanny — and she was right.

Three years parst and a great change had come over Elsie. Her once lovely skin was now roof and ready, some say it was that last bitter winter, others say it wasn't. Her warm smile which made one forget her hairlip was now a sickly grin, but enough of that.

Less and lessless people came to visit Elsie especially since Old Nanny had put the price up. The Dr had kindly devised a scheme whereby Elsie could call for anything she wanted. It was a primitive affair, but effective — just a simple microphone tied into Elsie's mouth. This was attached to a louder speaker in the kitchen. Of course when Old Nanny was away on holiday, she would turn the speaker off. «No point in her shouting if I'm away» she would explain.

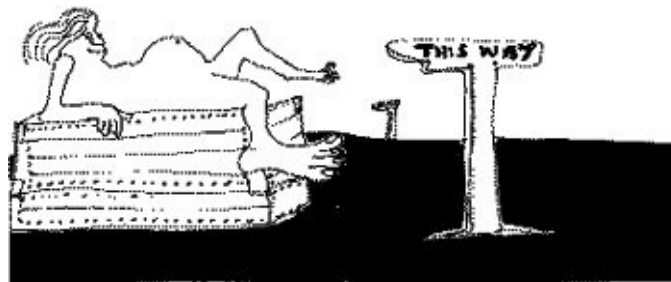
The years flew by for Elsie in her own box, sooner no than it was coming round to her twenty-first burly. «I hope I get the key of the door» she thought, forgetting for a momemt she was getting the whole house. The place was was certainly in a state of anticipatient on the ear of Elsie's birthdaft, and Old Nanny celebrated by bringing her into the house for «a warm by the fire» as she put it. Unfortunately Old Nanny seemed to place birthday Elsie too near the big old fireplace and her box caught alight with Elsie still wrapped firmly inside like her Uncle asked.

«She didn't even eat her cake,» said Old Nanny tearfulham to Dr (not the) Bernardo the next morning.

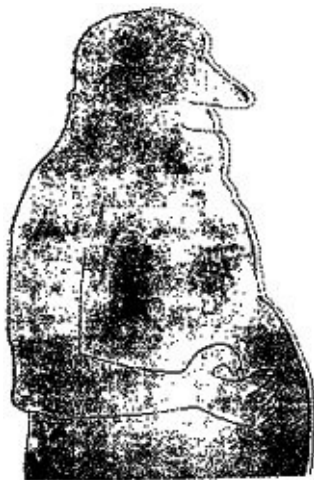
«Never mind» he wryled. «we'll give it io the dog, he'll eat anything.»

With that the Dr leaped over and gave Old Nanny a thorough examination on her brand new carpet.

«You can't have your cake and eat it» said a cheerful paying guessed adding, «Statistics state that 90 % of more accidents are caused by burning children in the house.»

Наш отец

Пришла пора, старик отец
Стал и сварлив, и скучен.
Смекнув, в чем дело, наконец,
Засобирался в путь он.

Сказал: «К чему вам инвалид?
Дурен в старых нрав!»
А мы не смели и вздохнуть:
«Как ты чертовски прав!»

Казалось, вечность паковал
Он старый свой мешок.
А мы — в дверях, спеша его
Отправить за порог.

Пустив слезу, он продолжал:
«Какой с калеки прок?»
«Избавь нас от своих причуд,
Поганый ты сморчок!»

Он сморщил жалобно лицо,
Взгляд выражал тоску.
Полтинник дали мы ему

И крепкую клюку.

«Обиды не держи, отец, —
Мы прослезились тут. —
Терпели долго мы тебя,
Гороховый ты шут!»

Протез железный свой забрал,
Засунул он в суму
И пенис, чем сыграть в бильярд
Раз довелось ему.

«Мне в путь, — проблеял жалко он, —
Черкните пару строк!»
Кто устоит? — Мы пишем враз
Закупочный листок.

«Прощайте же, мои сыны,
Не ваша здесь вина.
Все это мать, она со мной
Уж разочлась сполна».

«Ты мать не тронь, — взревел тут брат,
Клокочет ярость в нем. —
Тебя в два раза старше, но
Приносит деньги в дом!»

Обиженно вскричал отец:
«Хоть гром меня срази!
Я б лучше сдох, чем шлюхой быть
И жить в сплошной грязи!»

«Она-то в бане что ни день, —
Так прозвучал наш хор. —
Ты посмотрел бы на себя,
Паршивый сутенер!»

С порога обернулся он.
Нам помахал рукой,

Благ пожелал, и чтобы мы
Следили за собой.

Чуть покривив душой, мы вслед:
«Удачи, старикан!
Полюбишь ты рабочий дом!»
(Хоть это был обман.)

Вот он ушел, накроем стол,
Чтоб помянуть его.
Спешим в чулан, где жил старик
И пестовал свой горб.

Не только деньги нас там ждут —
В разгар своих хлопот
Старик-еврей оставил нам
И пенсионный счет.

На радостях — подругу в дом,
Во всей ее красе.
Она — одна, но так мила,
Что позволяет всем.

Отец нам весточек не шлет,
Не дай-то Боже — вдруг.
Но в памяти остался он
Приятель наш и друг.

Our dad

It wasn't long before old dad
Was cumbersome — a drag.
He seemed to get the message and
Began to pack his bag.

«You don't want me around,» he said,
«I'm old and crippled too.»
We didn't have the heart to say
«You're bloody right it's true.»

He really took an age and more
To pack his tatty kleid.
We started coughing by the door,
To hurry him outside.

«I'm no use to man nor beast,»
He said, his eye all wet.
«That's why we're getting rid of you,
Yer stupid bastard, get.»

His wrinkled face turned up to us
A pleading in his look;
We gave him half-a-crown apiece
And polished up his hook.

«It's not that we don't like you dad.»
Our eyes were downcast down.
«We've tried to make a go of it
Yer shrivelled little clown!»

At last he finished packing all,
His iron hand as well.
He even packed the penis
What he'd won at bagatell.

«Spect you'll write a line or two?»
He whined — who could resist?
We held his face beneath the light
And wrote a shopping list.

«Goodbye my sons and fare thee well,
I blame yer not yer see,
It's all yer mothers doing lads,
She's had it in for me.»

«You leave our mother out of this!»
We screamed all fury rage,
«At least she's working for her keep
And nearly twice your age!»

«I'd sooner starve than be a whore!»
The old man said, all hurt.
«Immoral earnings aren't for me,
and living off her dirt.»

«She washes everyday,» we said
Together, all at once.
«It's more than can be said for you
Yer dirty little ponce!»

At last upon the dooistep front
He turned and with a wave
He wished us all «Good Heavens»
And hoped we'd all behave.

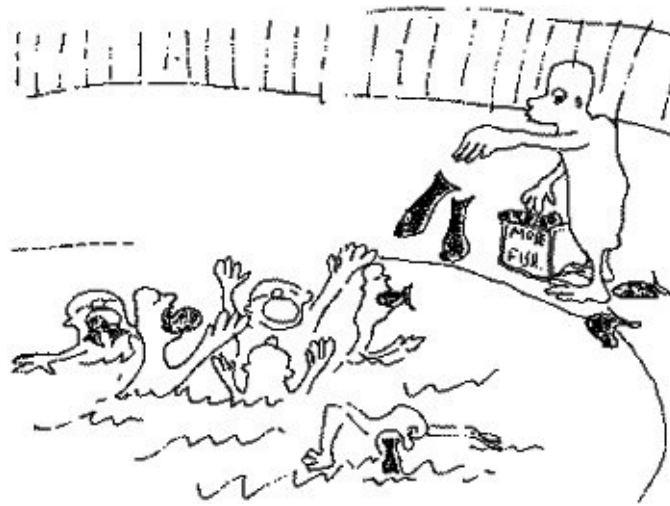
«The best of luck to you old dad!»
We said with slight remorse,
«You'll dig it in the workhouse man.»
(He wouldn't though of course.)

«Ah well he's gone and thats a fact,»
We muttered after lunch,
And hurried to the room in which
He used to wash his hunch.

«Well here's a blessing in disguise;
Not only money too;
He's left his pension book as well
The slimy little jew!»

«What luck we'll have a party
Inviting all our friend.
We've only one but she's a laugh
She lets us all attend.»

We never heard from dad again
I 'spect we never shall
But he'll remain in all our hearts
— a buddy friend and pal.

Я верую, госпадаль

Пришел ко мне однажды некий человек и спросил: «Объясните мне, святой отец, — объясните мне, что есть грех?» — и вы знаете, я не смог ему ответить! Сие наводит меня на мысль — когда-нибудь задумывались ли вы (а что мы подразумеваем под задумыванием?): вот обычный человек (а кого, спрашиваю я, мы подразумеваем под обычным человеком?), который работает в конторе и ходит в церковь по воскресеньям (а что мы в точности подразумеваем под воскресеньем?) и который суть грешник (все мы грешники). Люди частенько подходят ко мне и говорят: «Если Бух столь добр и всемогущ — почему Он тогда допускает такую нищету в мире?» На это я могу правдиво ответить: Св. Альф Гл. 8 стих 5 стр. 9 — «Бух избирает пути неисповедимые, дабы свои дрова возить» (что же мы подразумеваем под «возить»?) Ну вот, и все сие, чувствую, аккурат подводит меня к нашему следующему гостю. Это есть муж, который отвлажно и смело прокладывает путь к возлюбленному Госпиталю; медленно, но неторопливо я постараюсь помочь на крутых мостах, кои ему, несомненно, придется преодолевать. — Добро пожаловать в нашу студию в этот прекрасный вечер, Мистер Вабууба (иностранец)!

М-р В. — Привет, св. щенок!

СВ. — Итак, мистер Вубаба — позвольте называть Вас Вог? Какова главная проблема, которая стоит перед Вами? (Улыбается.)

М-р В. — Ты! Белый христианский паршивец. (Тоже улыбается.)

СВ. — Хм! У Вас бывают галлюцинации? (Краснеет.)

М-р В. — Бывают. (Тоже краснеет.)

СВ. — Ну и что? (Улыбается.)

М-р В. — Чаво я хахачу узнать, приятель, — так это почиму же всемогущий Бух постиранно охаживает моих черных совратьев по мордасам?

СВ. — Однажды некоторый человек ехал — как могли бы вы или я — поездом в Шотландию, и в кармане у него были два тухлых яйца. И вот, знаете ли, никто рядом с ним сидеть не желал!

М-р В. — Не понимаю, твое крестейшество. То есть, са-а-авсем не вижу, при чем тут енто все!

СВ. — Хорошо, Вубаба, попробую другими словами. В глазах Всемышнего мы все суть как бы гроздь бананов, качающихся на ветру. И все мы как бы ждем. Выруба, пока Его всепожирающая любовь не очистит нас, — но при этом некоторые упадут на карменистую землю, а некоторые — кому-нибудь на жилетку.

М-р В. — Ну, твое служейшество, я грю, что коли Буху не ндравецца, когда люди на Земле галадают, и все остальное-прочее, скажи-ко на милость, чего ж тогда Папа Рыль-ский-то имеет все энти дарагие драгоценности и жевет в та-а-аком большущем дворце? Небось, мои уродичи-то поместились бы — и две, и три тыщи, в евонный Ватиканский Холл. Да и вашенский Архи-Писькоп Кентердурыйский тоже хорош!

СВ. — Не думаю, что Архи-Психоп согласился бы жить в Ватикане вместе с такою прорвой народу, — не говоря уж о том, что вообще принадлежит к Англиканской Церкви.

М-р В. — Эх, я ж са-а-а-авсем не то хотел сказать, ты усе переврал, белый паршивый кристмас-империализмус!

СВ. — Еще никто не осмеливался называть МЕНЯ империалистом, мистер Вабууба. *(Улыбается.)*

М-р В. — Значит, я первый. *(Тожже улыбается.)*

СВ. — Это, несомненно, так, мистер Вабууба. *(Он выставляет вперед второй подбородок и медленно склоняется вперед, пристально и сурово глядя на мистера Вабууба. М-р Вабууба тожже наклоняется вперед, но довольно быстро, и они ч макаются.)*

М-р В. — Я пращ-щ-щаю тя во Имя Всетолстого Кошеллера, превеликого хранителя мово народу. *(Улыбается.)*

СВ. — Мне тожже ведомо сострадание, дражайший Вабууба, — во имя Овца, Свина и Сытого Муха я прощаю тебя, возлюбленный брат мой.

(Засим они по-братски обнимаются, как бы забывая, что они все еще в кадре.)

СВ. — Бывали ли Вы когда-нибудь в Брайтоне, Дорогой Ватруба?

М-р В. — Враз только што оттудова, мой лубезный крестьянский

вдруг, и, как видишь, не запылится.

(Оба поднимаются со стеклянным взором и, обнявшись, выходят из студии налево, доказывая, что каковы труды, таковы и плоды.)

(ЗАТЕМНЕНИЕ. НА ЭКРАНЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ ПРИЛИЧЕСТВУЮЩИЕ СЛУЧАЮ ХРИСТАНСКИЕ ТИТРЫ.)

<i>Конец</i>

I believe, boot...

Aman came up to me the other day and said — «Tell me vicar — tell me the deadefinition of sin?» — and you know, I couldn't answer him! Which makes me think — do you ever wonder (and what do we mean by the word wonder?) what an ordinary man (and what — I ask myself do we mean by an ordinary man?) who works in office or factory — goes to church ont Sunday (what exactly do we mean by Sunday?) who is also a sinner (we are all sinners). People are always coming up to me and asking — «Why, if Griff is so good anb almighty — why does he bring such misery into the world?» — and I can truthfully say St.Alf — ch 8 verse 5 — page 9. «Griff walks in such mysterious ways His woodwork to perform» (what do we mean by perform?) Which leads me neatly, I feel, to our next guest for tonight. A man whom is stickle trodding the pathway to our beloved Griff — slowly but slowly I am here to help with the bridges he must surely cross. — «Welcome to our studios tonight Mr Wabooba (a foreigner)»

Mr W. Hellow you Rev boy.

Rev. Well! Mr Wobooba — may I call you Wog? What is the basic problem you are facing? (*He smiles*)

Mr W. You! white trash christian boy. (*He also smiles*)

Rev. Hmn! can you hallucinate? (*He colours*)

Mr W. I can. (*Colouring too*)

Rev. Well? (*He smiles*)

Mr W. Wot ah want to know man — is why almighty Griff continuoally insists on straiking ma fellow blackpool inde fayse?

Rev. A man travelling on a train — like you or I — to Scotland, had two or two bad eggs in his pocket — and you know — no one would sit by him.

Mr W. But ah dont see dat yo' christship. Ah mean, ah don't see de relevance.

Rev. Well, Wabooba — let me put it this way. In Griff's eye, we are all a bunch of bananas — swaying in the breeze — waiting as it were, Wabooba — to be peeled by His great and understanding love — some of them fall on stonycroft — and some fall on the waistcoat.

Mr W. Well yo' worship, ah says dat if de Griff don't laiike de peoples in de world starfing an' all dat c'n you tell me why dat de Pope have all dem rich robesan' jewelry an big house to live — when ma people could fit too tousand or

mo' in dat Vatican Hall — and also de Arch bitter of Canterbubble — him too!

Rev. Ai don't think that the Arch bishoff would like to live in the Vatican with that many people Mr Wabooba — besides he's C. of E.

Mr W. Ah don't mean dat you white trash christmas imperialist!

Rev. No one has ever called ME an imperialist before, Mr Wabooba. *(He smiles)*

Mr W. Well ah have. *(Smiling too)*

Rev. You certainly have Mr Wabooba. *(He turns other chin and leans forward slowly looking at Mr Wabooba rather hard. Mr Wabooba leans forward rather more quickly and they both kiss.)*

Mr W. Ah forgive you in de name of Fatty Waller de great savious of ma people. *(He smiles)*

Rev. Ai too am capable of compassion dear Wabooba — and in the name of the Father, Sock and Micky Most, I forgive you sweet brother.

(With that they clasp each other, in a brotherly way as if forgetting they are still on camera.)

Rev. Have you ever been to Brighton dear Watooba?

Mr W. Ah jes' got back sweet christian friend non de worse for wearing.

(They get up glassy eyed and linking arms slowly walk out of the studio to the very left proving that arbitration is one answer to de prodlem.)

FADE OUT ON SUITABLE CHRISTIAN CAPTIONS

THE END

Linda forever,

Aya.

«Quand on veut un mouton, c'est preuve qu'on existe.»